

ПУТЕШЕСТВІЕ ПАЛЛАСА ПО САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Петръ Семеновичъ Палласъ родился въ 1741 году въ Берлинѣ. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ своемъ родномъ городѣ, а для усовершенствованія въ наукахъ отправлялся въ Лейденъ и Англію. Возвратившись по окончаніи своего образованія въ Берлинъ, онъ съ 1767 г. началъ тамъ изданіе научныхъ работъ своихъ, подъ названіемъ *Spicilegia Zoologica*. Въ томъ же году Палласъ былъ приглашенъ Императрицею Екатериною II въ Россію, а въ слѣдующемъ, въ званіи члена Императорской Академіи Наукъ, былъ командированъ, вмѣстѣ съ астрономами и нѣкоторыми учеными, въ Сибирь для наблюденія прохожденія Венеры черезъ солнечный дискъ. Во время этого путешествія знаменитый ученый изслѣдовалъ мѣстности Сибири, по которымъ проѣзжалъ, а также восточныя окраины Европейской Россіи и, по возвращеніи, въ 1773 году, въ Петербургъ, издалъ на нѣмецкомъ языкѣ свои путевыя записки, веденныя имъ въ формѣ дневника. Этотъ трудъ вскорѣ переведенъ былъ и на русскій языкъ, въ 5 томахъ, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: „Н. С. Палласа, Доктора Медицины, профессора Натуральной исторіи и члена Россійской Академіи Наукъ и С.-Петербургскаго Вольнаго Экономическаго Общества, также Римской Императорской Академіи испытателей естества и Королевскаго Аглинскаго ученаго собранія Путешествіе по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи“. Кромѣ этого, Палласъ оставилъ послѣ себя весьма много замѣчательныхъ сочиненій, преимущественно по части Зоологіи и Ботаники. Его знаменитая *Zoographia Rosso—asiatica* положила первое основаніе къ научному познанію царства животныхъ въ Россіи. Императрица Екатерина, цѣня заслуги Палласа для Россіи, подарила ему имѣніе въ Крыму, гдѣ онъ провелъ послѣдніе годы своей жизни, и умеръ въ 1804 году въ Берлинѣ. Русскій переводъ его путешествія по Россіи въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

Отправляясь въ свое путешествіе по Россіи, Палласъ выѣхалъ изъ Петербурга 21 іюня 1768 года и, прослѣдовавъ по бывшему большому московскому тракту по направленію на востокъ, 29 сентября того же года вступилъ въ Ставро-

польскій уѣздъ Самарской губерніи. Осмотрѣвъ особенно интересныя въ томъ или иномъ отношеніи мѣстности какъ сего, такъ и Самарскаго, Бугульминскаго и Бугурусланскаго уѣздовъ, онъ въ октябрѣ вернулся черезъ Ставрополь въ Симбирскую губернію. Это была *первая* поѣздка его по Самарской губерніи. Во *второй* разъ Палласъ прибылъ въ Самарскую губернію въ мартѣ слѣдующаго (1769) года и, послѣ изслѣдованія мѣстностей, лежащихъ на правомъ и лѣвомъ берегахъ Волги, пониже Симбирска, посѣтилъ Самару, откуда потомъ отправился черезъ Самарскій и Бузулукскій уѣзды въ Оренбургскій край. Въ *третій* разъ Палласъ появляется въ Самарской губерніи уже въ 1772 г., на возвратномъ пути изъ Сибири, черезъ Пермь и Казань. На этотъ разъ знаменитый путешественникъ проѣхалъ по восточной части Самарской губерніи, направляясь черезъ Бугульму и Сорочинскую крѣпость, Бузулукскаго уѣзда, къ Уральску и берегамъ Каспійскаго моря. На возвратномъ пути отсюда въ Петербургъ, Палласъ былъ въ здѣшней губерніи въ послѣдній, *четвертый* разъ въ августъ 1773 года и изслѣдовалъ мѣстности, лежащія въ западной части нынѣшнихъ Николаевскаго и Новоузенскаго уѣздовъ, преимущественно же состояніе нѣмецкихъ колоній въ этихъ уѣздахъ.

Предположивъ познакомить читателей Адресъ-Календаря съ тою частью путешествія знаменитаго ученаго, которая касается Самарской губерніи и доселѣ составляетъ весьма цѣнный матеріалъ для изученія природы и исторіи Самарскаго края, мы предлагаемъ здѣсь выдержки изъ его путевыхъ записокъ, въ хронологическомъ порядкѣ его поѣздокъ по здѣшней губерніи, и съ соблюденіемъ, по возможности, и самаго языка перевода.

Первая поѣздка Палласа по Самарской губерніи.

„29 октября (1768 г.) Отъ небольшой, на ровномъ пло-
вatomъ, мелкимъ дубнякомъ заросломъ берегѣ, насупротивъ
Симбирска построенной слободы (Чердаклы), устремилъ я
путь свой чрезъ плоскую, дикими миндальными кустами и
вишнями обросшую степь къ р. Черемшану, къ которой и
пріѣхалъ позади деревни Мелекеса. Сямъ именемъ называ-
ются двѣ деревни по текущей тамъ въ лѣсныхъ мѣстахъ
рѣчкѣ Мелекеса, и въ одной изъ нихъ живутъ мордвинцы,

а въ другой чувашане. На сей же рѣчкѣ построены большіе винные заводы, да и нынѣ еще новый тамъ строить. Здѣшнее распоряженіе оныхъ таково же, какое обыкновенно употребительно во всей Россіи, и потому особливо хвалы не заслуживаетъ. Кубы, по порядку вмазанные, имѣютъ вверху широкія трубы, проведенныя сквозь желобъ, въ который льется вода для простуживанія. Не довольно того, что по причинѣ короткихъ и широкихъ трубъ пропадаетъ много винныхъ паровъ; но и къ кубамъ сдѣланы только деревянные крышки изъ многихъ досечекъ, изъ коихъ самая ближайшая къ трубѣ выдолблена на подобіе корыта. Пазы замазываютъ глиною, и думаютъ тѣмъ только совершенно удержатъ винные пары. Хозяевъ большихъ винныхъ заводовъ не могъ я увѣрить во худобѣ сего дѣла. Но они еще думали опровергнуть справедливое мое мнѣніе, показывая старыя 133 / деревянные крышки, что на нихъ не видно слѣдовъ отъ входящихъ глубоко въ дерево винныхъ паровъ. Я умалчиваю о не-исправностяхъ, бываемыхъ при заквашиваніи и въ пропорціяхъ. Какъ въ семь, такъ и во многихъ другихъ случаяхъ, на учиненныя мною предложенія слыхалъ я часто отъ искусѣйшихъ домостроителей слѣдующій отвѣтъ: *та-кое уже обыкновеніе*. А закоренѣлые такіа худыя обыкновенія и высочайшими указами истребить трудно.

Рѣку Черемшанъ переѣхали мы по мосту, сплоченному изъ бревенъ, которыя лежатъ въ водѣ. Такіе мосты находятся во многихъ мѣстахъ Россіи, и во время прибылой воды въ рѣкахъ весьма полезны. Рѣка какъ здѣсь, такъ и въ нижней своей странѣ течетъ между оброслыми кустарникомъ берегами, или по лѣсистымъ низкимъ мѣстамъ. Здѣсь предъ рѣкою переѣзжаютъ еще черезъ глубокой сухой ровъ, большую дугу составляющій, и сказываютъ, что рѣка прежде имѣла по оному теченіе свое. — По ту сторону Черемшана опять начинается степь, и не въ дальнемъ разстояніи находится другая чувашская деревня, при которой переѣзжаютъ чрезъ текущую въ Черемшанъ и болотными травами почти совсѣмъ заросшую рѣчку Евралы. — Въ числѣ слѣдующихъ деревень есть одна такая, которая по близъ лежа- 134 / щему озеру [Билару] проименована, и въ названіи которой, кажется, соблюлась память прежде бывшаго Болгарскаго народа. Рѣка Черемшанъ съ небольшимъ лѣсомъ осталась у

насъ влѣвъ, и берегъ оныя по ту сторону началъ по малу возвышаться по большой части голыми холмами. При деревнѣ Сѣдѣлкиной удаляются (холмы) отъ упомянутой рѣки; также лежащая по сѣю сторону степь становится нѣсколько холмистѣе и видѣнъ небольшой въ восточную сторону отъ часу больше возвышающійся горный хребетъ.

Во всей странѣ Черемшана находятся изрядныя черноземныя пашни; также въ ней довольно березняку на дрова и вообще она населена хорошо. Большую часть здѣшнихъ жителей составляютъ Татары, Мордвинцы, а наипаче Чувашане, кои здѣсь живутъ гораздо многочислѣе, нежели на правомъ берегу Волги, и по большей части обращены въ христіанскую вѣру. + 1)

Какъ сей народъ принялъ въ свой языкъ много словъ отъ Татаръ, такъ и женская одежда во многихъ вещахъ сходствуетъ съ татарскою. Черты лица у Чувашъ показываютъ великое смѣшеніе съ Татарскою кровію. Между ними не видно свѣтлорусыхъ и рыжихъ, но всѣ, такъ какъ Татара, черноволосые. Женскій полъ по большей части лицомъ нарочито пригожъ и гораздо опрятнѣе Мордовскаго женскаго пола.

Деревни ихъ (Чувашъ) обыкновенно состоятъ изъ разсѣянныхъ домовъ съ малыми клѣтками, безъ огороженныхъ дворовъ, и построены на высокихъ мѣстахъ. По старинному обыкновенію сдѣланы двери на востокъ съ навѣсомъ или съ сѣньми, въ коихъ лѣтомъ спать. Въ ихъ избахъ, какъ и въ Татарскихъ, лавки широкія; печь складена у дверей по правую руку, и хотя не всѣ, однако есть съ трубами. Чувашане, также какъ Татара, обыкновенно имѣютъ хорошія перины, и только самые скудные спятъ на тюфякахъ, которые они какъ для сего, такъ и на другое домашнее употребленіе дѣлаютъ изъ травы *ситника*.

Некрещенные Чувашане, такъ какъ Магометане, празднуютъ каждую пятницу въ недѣлѣ; напротивъ того наше воскресенье совсѣмъ не чтутъ. Чаятельно, сіе обыкновеніе и отвращеніе отъ свинины, которое нынѣ многіе оставили, перешло къ нимъ отъ Татаръ, но изъ вѣры ихъ ничего они не приняли. Въ наблюдающихъ старинное обыкновеніе деревняхъ ходитъ сотникъ въ четвертокъ къ вечеру по дворамъ и объявляетъ будущій завтра праздникъ. Тогда никто не ходитъ на работу, но весь день препровождаютъ въ празд-

ности и увеселеніяхъ; но напередъ каждая семья, а особливо женскій полъ, который не бываетъ при жертвоприношеніи, отправляетъ обыкновенное моленіе предъ своимъ *Ирихоми* или Ерихомъ, что они за свято почитаютъ. Сей Ирихъ есть ничто иное, какъ только пукъ отборныхъ лозъ ракитоваго куста, которыхъ берутъ 15 равной величины, около четырехъ футовъ длиною, по срединѣ связываютъ мочаломъ и на сей перевязкѣ вѣшаютъ кусочекъ олова. Каждый домъ имѣетъ у себя такого Ириха; но обыкновенно ставятъ оный въ переднемъ углу, въ чистомъ боковомъ покоѣ, какихъ при всякомъ жилищѣ довольно настроено. Никто не смѣетъ къ оному прикоснуться; а какъ уже осенью весь листъ опадеть, то срѣзываютъ толикое же число свѣжихъ лозъ на мѣсто онаго пуга, и стараго Ириха, съ благочиніемъ, бросаютъ въ текущую воду*.

Чувашане кладутъ своихъ покойниковъ въ худыя гробы во всемъ одѣяніи и похороняютъ, оборотя головою къ западу. Мущинамъ въ гробъ кладутъ они всякую мелочь, а иначе ланты, кочадыкъ (*), ножикъ, нѣсколько дыкъ и огниво. Общее кладбище, которое выбираютъ они въ отдаленіи какъ отъ деревни, такъ и отъ всѣхъ большихъ дорогъ, называется у нихъ *мазаръ*. Трижды отправляютъ они поминовеніе своихъ родственниковъ: въ среду на страстной недѣлѣ, въ семерикъ, т. е. четвертокъ передъ пятидесятницею, и въ осьмое число ноябрю. Въ сей послѣдній день не токмо приносятъ у могилы жертву, но и въ головахъ у покойнаго ставятъ деревянные столбы. Выкопавъ яму, въ которую должно столбъ поставить, бросаетъ всякій изъ находящихся при томъ по куску мяса и вливаютъ нѣсколько браги, потомъ жертву ѣдятъ, пьютъ и веселятся*.

Какъ они (чуваши) имѣютъ великіе ульи, то во время пиршества пьютъ медъ и брагу, но никогда не употребляютъ заквашеннаго молока (**), которое татары чрезвычайно любятъ. Пляска ихъ такъ какъ и мордовинская состоитъ въ разныхъ движеніяхъ рубъ и тѣла, а пляшутъ кругомъ въ небольшомъ кругу, почти не отдѣлая одной ноги отъ другой. При семъ обыкновенно играютъ на волынкѣ, либо на гудкѣ или на гусяхъ о 16 и 18 струнахъ*.

(*) Инструментъ, употребляемый при плетеніи лантей.

(**) Кумысъ.

«Примѣчанія достойно и то, какимъ образомъ чувашане присягаютъ. Если кто долженъ клясться, того приводятъ въ кереметь и тамъ принуждаютъ, по многократномъ заклинаніи, ѣсть обыкновенное у татаръ и чувашъ кушанье, состоящее въ гелушкахъ, съ коровьимъ масломъ въ водѣ вареныхъ, что у нихъ *салма* называется. Но для испытанія ложной клятвы поятъ отвѣтника соленою водою, и если онъ при томъ будетъ кашлять, то признаютъ его виноватымъ».

«Отъ деревни Сѣделкиной становится страна отъ часу гористѣе. Самыя большія горы находятся при татарской деревнѣ Беткучовѣ, вдоль текущей тамъ рѣчки Шешмы. Каменные горы состоятъ изъ сѣраго и бѣлаго несочнаго шифера, въ которомъ во многихъ мѣстахъ верхнихъ странъ Шешмы, и впадающихъ въ оную рѣчку, оказалась худая мѣдная руда, обыкновенно много песку и глинны содержащая. Но сіи горы, такъ какъ и всѣ горныя увалы, простирающіеся отъ вершины рѣкъ Сока, Тока, Кинеля и Самары, суть вѣтви шиферныхъ, рудою изобильныхъ горъ, отъ Урала въ южно-западную сторону идущихъ и наипаче возвышающихся между вышепомянутыми рѣками, также Демюю и текущими въ Самару рѣчками. Отъ татарской деревни Курмюшли ѣхали мы внизъ по симъ горамъ и третьяго числа октября (1768-г.), по пѣзжайшей дорогѣ пріѣхали къ сѣланному въ мокромъ и непроходимомъ лѣсу, такъ называемому Кичуйскому шанцу. Сей находится при рѣчкѣ Барипѣ, недалеко отъ ея устья въ Кичуй, и принадлежалъ къ мимо проведенной и почти до р. Ика простирающейся Сокамской линіи, которая нынѣ уничтожается; ибо какъ сіе мѣсто, такъ и прочія по сей линіи построенныя крѣпости въ ничто превращены и учрежденъ одинъ только ямъ на большой отъ Оренбурга въ Казани лежащей дорогѣ».

— Съ версту отъ онаго шанца, при поминутной рѣчкѣ, построены Симбирскимъ купцомъ Глазовымъ мѣдный заводъ съ четырьмя домнами; но не всегда производится работа, потому что не достаѣтъ работниковъ для безпрерывной возки потребнаго количества ^{числа} угольсѣвъ и руды. Здѣсь плавить руду, которую отчасти ломаютъ въ около лежащихъ горахъ, а отчасти возятъ изъ отдаленныхъ мѣстъ, и изъ ста пудовъ оной руды выходитъ до двухъ пудовъ чистой мѣди. Самая лучшая была зеленоватая песчаная руда съ разсыпанными де-

рванному уголью подобными глыбами, и ломаютъ оную въ новомъ рудникѣ, за двѣ версты отъ завода, въ сѣверную сторону, въ сѣрой съ глиняными катышками смѣшанной онокѣ. Изъ другаго, отсюда за 20 верстъ находящагося въ полуденной сторонѣ Серполинскаго рудника, ломали сѣрый, пловатый шиферъ съ голубыми крапинками и наполненный окаменѣлостями, который ломаютъ при текущей въ Бѣлую рѣчку Аткадарѣ и за нѣсколько сотъ верстъ сюда возятъ. На складку заводскихъ печей возятъ сюда камень изъ Соликамска.

Изъ Кичуйскаго шанца, что нынѣ Кичуйская слобода, Палласъ, чрезъ татарскую дер. Шарипкину, направился къ слободѣ Бугульминской (нынѣ уѣздный городъ), куда и прибылъ вечеромъ 4 октября. Вотъ какъ онъ описываетъ эту слободу:

... Сіе мѣсто хорошо выстроено; въ немъ до 500 домовъ и двѣ деревянныя церкви, тоже крѣпостскій и воеводскій домъ хорошо состроенъ. Здѣшняя контора называется земскою и подеудна Оренбургской канцеляріи.

Изъ Бугульмы, по почтовой дорогѣ въ Оренбургъ, знаменитый путешественникъ прибылъ 5 октября въ дер. Малую Бугульму, а отсюда отправился въ село Спасское къ извѣстному описателю Оренбургскаго края Рычкову, у котораго и пробылъ до 11 числа, продолжая все это время дѣлать экскурсіи по окрестнымъ мѣстностямъ. Село Спасское особенно понравилось Палласу.

Поманутое село стоитъ на превеселомъ мѣстѣ, которое окружаютъ горные, отчасти лѣсомъ оброслые увалы. Почти въ серединѣ села бьетъ большой чистый ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который примѣчанія достоинъ наипаче потому, что скотъ охотно его ѣстъ, хотя и не находится въ немъ соляныхъ частицъ. Въ нѣкоторыхъ около лежащихъ увалахъ показались слѣды мѣдной руды, а на одномъ изъ оныхъ лежитъ худая желѣзная руда. Въ текущихъ между горами рѣчкахъ, въ Дымъ впадающихъ, а и въ сей рѣчкѣ водится рыба *красноуха*, а также другая вкусная малая рыба Кутема (*Salmo lacustris*), находящаяся въ Уральскихъ рѣчкахъ. Какъ сіи изъ горъ текуція воды по причинѣ быстрого своего теченія не совсѣмъ замерзаютъ, то находится тамъ множество водяныхъ, кромѣ Россіи и Сибири, нарочито

рѣдкихъ воробьевъ (*Strurnus Cinelus*). О сихъ птичкахъ въ правду говорятъ, да я и самъ часто видалъ, что они въ нарочито глубокихъ рѣчкахъ ныряють, для собиранія на днѣ мелкихъ водяныхъ червячковъ, и что выходятъ изъ воды сухіе. Когда на обоихъ берегахъ рѣчекъ въ нихъ стрѣляютъ и столь мѣтко не попадутъ, чтобы они въ одинъ мигъ умерли, то обыкновенно уходятъ въ воду и уже мертвые въ верхъ всплываютъ. Однако не можно сказать, чтобы они плавали, да и нѣтъ у нихъ къ тому лапокъ. Но они летаютъ въ воду и, чайтельно, держатся на днѣ для снисканія себѣ пищи. Нѣкоторые мужики, по своему суевѣрію, думаютъ, что жиръ сей птицы, котораго едва драхму собрать можно, навсегда предохраняетъ члены отъ мороза, если онымъ однажды помазаны. Другіе же утверждаютъ, что оное дѣйствіе имѣетъ кровь помянутой птицы. Въ такихъ лѣсистыхъ странахъ, въ коихъ рѣчки зимою не замерзають, есть еще мелкій, кромѣ Россіи почти неизвѣстный родъ выдры, которая у торгующихъ мѣхами *норка* (*Mustela lutteola*) называется и по большей части питается лягушками и раками, а въ прочемъ житьемъ своимъ нарочито сходствуетъ съ большою выдрою. Въ сей гористой странѣ, такъ какъ на всѣхъ полуденныхъ безлѣсныхъ уральскихъ горахъ, находится много сурковъ, которые вырытою изъ норъ землею часто подають ищущимъ руду татарамъ и другимъ народамъ случай къ открытіямъ».

Во время остановки своей въ имѣніи Рычкова, селѣ Спасскомъ, Палласъ ѣздилъ осматривать близъ лежащіе нефтяные источники и такъ называемую Молочную рѣку. Черезъ деревню Усманову, Надырову тожъ, гдѣ въ то время начатъ былъ постройкою Башкирскимъ Старшиною Надыромъ Урасметевымъ заводъ для выдѣлки изъ находимаго здѣсь асфальта нефти, но за смертью сего башкира вскорѣ уничтоженный, знаменитый путешественникъ прибылъ въ деревню Ермакъ-Аулъ или Байтуганову.

«До сего мѣста, по обѣимъ сторонамъ Сока, пишетъ Палласъ, вдоль текущихъ между горами рѣчекъ, вездѣ показываются слѣды рудъ, и далѣе оныхъ не видно. Первый при рѣкѣ Сока достойный примѣчанія нефтяной ключъ находится отсюда къ сѣверу въ гористой странѣ, въ которой рѣчка Байтуганъ имѣетъ свое начало. Чрезъ непрерывные

березникомъ оброслые холмы дорога къ оной рѣчкѣ была претрудная и насилу доѣхали мы до новопостроенной на одномъ источникѣ помянутой рѣчки чувашской деревни (Байтуганъ-башъ). Нефтяной ключъ находится оттуда версты за двѣ, при горѣ, которая въ той странѣ выше всѣхъ, и лежитъ между источниками рѣчки. Переправляясь чрезъ оную рѣчку, продолжали мы путь свой къ другой, къ западу стоящей, чувашской деревнѣ (Семенова), отъ которой идетъ къ ключу хорошая дорога. Нефтяной ключъ находится за нѣсколько верстъ отъ Семеновой, въ юговосточной сторонѣ, при западномъ крутомъ скатѣ горы, на обросшемъ березникомъ, покрытомъ тучнымъ черноземомъ мѣстѣ, по которому течетъ западный главный источникъ рѣчки Байтугана. Ключъ нѣсколько распространили и при горѣ выкопали небольшую, на подобіе котла, яму, шириною и глубиною до 3-хъ футовъ, въ которую вода прибываетъ безъ примѣтнаго движенія и также непримѣтно уходитъ въ мимотекущую малую рѣчку. И такъ хотя ключъ не имѣетъ быстрого теченія, однако никогда не замерзаетъ и въ жестокіе морозы, и если заносить его снѣгомъ; то выходящія изъ него смолистые пары, коихъ запахъ нарочито далеко чувствовать можно, очень скоро дѣлаютъ сквозь отверстіе, не смотря на то, что вода не имѣетъ теплоты до чрезвычайнаго градуса. Въ малой ямѣ ключа покрывается поверхность воды черною, весьма липкою нефтью, которая имѣетъ цвѣтъ и существо густой смолы, и хотя часто оную счерпываютъ, однако она опять собирается въ нѣсколько дней. Около двухъ недѣль тому, какъ вычерпана была собравшаяся на поверхности воды нефть, но не смотря на студеную погоду, опять набралось оной столько, что я могъ снять до шести фунтовъ, не считая того, что сколько по липкости ея прильнуло къ другимъ вещамъ. У самой горы вода была оною покрыта на большой палецъ толщиною, а въ стоѣ сего ключа толщина ея становится отъ часу тонѣе, потому что вода безпрестанно нѣсколько съ собою уносить. Вся яма ключа покрыта нефтью, да и земляной слой, въ которомъ она находится и который чайтельно далеко простирается въ гору, весь оною наполненъ. По снятіи нефти съ воды видѣтъ еще чрезмѣрно тонкій, проницательный (прозрачный) листъ крѣпкаго масла поверхъ оной, которое

хотя въ маломъ количествѣ, однако на почерпнутой водѣ легко загоралось. Опыты доказывали, что и самая вода набралась нѣсколько горючихъ частицъ: при распусканіи дѣлаетъ синій камень красноватымъ и имѣетъ пресильный запахъ и вкусъ нефти. Около живущіе чувашане и татары употребляютъ сію смолистую воду не токмо для полосканія и питья во время молошницы въ роту (?) и чирьевъ въ горахъ (?), но и рачительно собираютъ самую нефть и употребляютъ оную во многихъ случаяхъ, какъ домашнее лѣкарство. Наипаче прикладываютъ оную къ свѣжимъ ранамъ, которыя потомъ весьма скоро заживаютъ. Еще дѣлаютъ изъ оной мазь съ коровьимъ масломъ, которая чрезвычайно цѣлительна отъ всякихъ чирьевъ. Особливо примѣчанія достойно внутреннее употребленіе, а именно: взявъ полную ложку нефти, варятъ въ молокѣ, въ которомъ дѣлается она густою сметаною. Сію пьютъ теплую во время колотья или когда болитъ животъ, думая, что то приключилось отъ натуги и надсады, а также и во время тайныхъ болѣзней. Сказываютъ, что больной человѣкъ дѣлается отъ того хмѣльнымъ, чувствуетъ сильный жаръ, какъ-то и думать можно, и сильно текущая моча имѣетъ поразительный нефтяной запахъ. Также говорятъ, что нѣкоторые мужики употребляютъ сію смолу вмѣсто дегтю; но сіе рѣдко случается и всѣ меня увѣряли, что особливо оную берегутъ только на лѣкарство и даютъ своимъ сосѣдямъ. Въ около лежащихъ деревняхъ самъ я видѣлъ, что чувашане, за неимѣніемъ дегтя, мазали колеса коровьимъ масломъ или свѣжимъ коровьимъ каломъ (?). Впрочемъ, здѣшняя нефть, не смотря на ея липкость, столь пронзительна, что у меня поставленная въ холодномъ мѣстѣ прошла сквозь толстую деревянную ступку и черезъ нѣсколько недѣль напаяла толстыя въ дюймъ доски. И такъ можетъ она служить къ полезному соблюденію дерева отъ согнітія и корабельныхъ досокъ отъ вредныхъ морскихъ червей».

Осмотрѣвъ мѣсторожденія нефти, Палласъ, чрезъ татарскія деревни Кашюмли и Ермакъ и мордовскую деревню Алексѣеву или Вечканъ, прибылъ 14 октября (1768 г.) въ чувашскую дер. Заперкину или Запарову, отъ которой «началась примѣчанія достойная страна при Сокѣ, въ которой находится множество изобильныхъ горючею сѣрою вклю-

чей. Между ^{болотами} деревнями Большой и Малой Микушкиными, на правом берегу Чембулата, находятся на низкомъ мѣстѣ двѣ сѣрныя болотины, плоскимъ косогоромъ отдѣленные и въ оную рѣчку имѣющія свое теченіе. Въ верхней болотинѣ, которая зимою замерзаетъ, не видно бьющаго изъ земли ключа. На днѣ ея ложится очень простой бѣлый илъ, а сама болотина длиною до трехъ, шириною же до полуторы сажени. Другая находится не далѣе 300 сажень отъ Малой Микушкиной и представляетъ малое озеро, до 25 саж. длиною, до 8 шириною и на аршинъ глубиною; вода въ ней очень сѣрная, оставляетъ на тиноватомъ днѣ известковую сѣрную матерію и вокругъ распространяетъ сильный свой запахъ. Въ одной губѣ небольшого сего озера, и въ жестокіе морозы не замерзающаго, находится сильно бьющій ключъ и выбрасывающій сѣрую, золѣ подобную матерію. Чувашане и другіе жители употребляютъ сію сѣрную воду съ хорошимъ успѣхомъ въ баняхъ для прогнанія коросты и другой сыни на тѣлѣ. Кажется, что сіи воды превосходно могутъ служить къ наружному и внутреннему употребленію во время всякихъ болѣзней на тѣлѣ, да можетъ быть и внутренне подавать не малую пользу во многихъ долговременныхъ и почти не изцѣлимыхъ болѣзняхъ.»

«По слѣдующей вольной степи продолжая путь около шести верстъ, переѣзжаютъ черезъ чистую, водою изобильную рѣчку, которую русскіе называютъ Молочная рѣчка, а прежде жившіе здѣсь Башкиры и нынѣ тамъ живущіе Татары именуютъ Айранъ, то есть кислое молоко, чувашане же называютъ Уйрянъ—Ли, то есть молочная вода. Здѣсь въ рѣчкѣ вода очень чистая и хорошая, берега у ней обросли молодыми деревьями».

«По ту сторону сей рѣчки степь наполнена прерывными горами разнаго вида и величины, изъ коихъ самыя большія, по различному ихъ сходу, проименованы: *Орелъ*, *Кабанъ*, *Жирни*, *Гусли* и пр. Позади послѣдней находятся малые, кротовымъ кучамъ подобныя холмы, а еще нѣсколько далѣе лѣсомъ оброслый уваль, *шахъ-мамай* называемый, при которыхъ хотѣли было построить другой заводъ для собиранія нефти».

«Октября 15 числа поѣхалъ я къ лежащему за пять

версть отъ дер. Иштулкиной въ юговосточной сторонѣ сѣрному озеру, въ сихъ мѣстахъ знатнѣйшему и точно такъ называемому. Дорога туда лежитъ между горою, Гусли именуемою, и простирающимся въ правую сторону лѣсистымъ уваломъ Шахъ Мамаемъ, при которой есть глубокое, котлу подобное круглое озерко, прѣсную воду имѣющее. Потомъ приходятъ къ знатной известковой горѣ, которая едва за версту находится отъ Сургута и нарочито крута. Она состоитъ изъ бѣлаго, сѣраго круглыми въ отломѣ блестящими зернами наполненнаго известковаго камня, и между оною и другими малыми горами находится подлѣ восточной ея стороны сѣрное озеро на очень низкомъ котлу подобномъ и берегами обросломъ мѣстѣ. Сіе озеро длиною до 60, а шириною до 45 сажень. Глядѣть на него страшно, и почти не можно долго при немъ быть, по причинѣ восходящихъ вонючихъ паровъ гнилымъ яицамъ и горючей сѣрѣ подобной запахъ имѣющихъ; да и самъ я извѣдалъ, чтв по вѣтру чувствителенъ оный запахъ почти за четыре версты отъ озера. Въ немъ не видно движенія воды, и никогда оно не замерзаетъ; потому что и нынѣ вода въ немъ на нѣсколько градусовъ была теплѣе наружнаго воздуха; отъ чего и происходитъ, что во время морозовъ обыкновенно восходятъ изъ озера видимые пары на подобіе тумана. Вода въ немъ столь чиста, что можно бы легко простыми глазами измѣрить глубину его, если бы дно не покрыто было тиною и черною матеріею. Однако кажется, что сіе озеро глубиною только на нѣсколько аршинъ. Но въ той большой губѣ, которая ближе къ вышеупомянутой известковой горѣ и въ которой находится большой сѣрный ключъ, озеро водою снабждающій, уже гораздо глубже, и сіе мѣсто подобно страшной пучинѣ. Въ то время когда еще находились вокругъ избы для дѣланія горючей сѣры, были въ сей-же странѣ при подошвѣ горы выполнены три глубокия ямы для исканія сѣрной матеріи, которая сей ключъ столь богато снабждаетъ сѣрою. Но труды были тщетны, и можетъ быть искали не въ настоящемъ мѣстѣ, или сѣрная матерія находится скрыта внутри известковой горы.»

«Дно въ озерѣ все покрыто такою кожею, которую можно сравнить съ перетлѣлыми звѣриными кожами. Сія кожа не

толще одной линіи покрываетъ черную тину и все въ озеро упавшее, и можно оную вытаскивать по частицамъ. Она по большей части имѣетъ темнозеленый и мѣстами темно желтый весьма непріятный цвѣтъ. Въ ней видны чрезмѣрно мягкія по большей части параллельно простирающіяся волокна, только сквозь поверхность проходящія и блестящія, а гладкости у ней не закрывающія. Я думаю дѣйствительно приписать сей матеріи свойство растенія. Но осадки сѣрной воды на дно быть не можно; ибо она не имѣла бы столь много вещества, липкости и столь равной и тонкой толщины. Гдѣ сія кожа покрываетъ согнившія растенія, тамъ находится блѣднокрасная густая матерія, которая обыкновенно бываетъ и въ другихъ сѣрныхъ водахъ для произведенія травяныхъ частицъ, и весьма наполнена горючею сѣрою.»

«Насупротивъ известковой горы вздымается на восточномъ берегу сѣрнаго озера, также изъ известковаго шифера состоящая гора, до рѣки Сургута простирающаяся. Изъ оной бьетъ небольшой сѣрный ключъ, текущій по деревянному жолобу, который еще остался отъ прежняго сѣрнаго завода, и вышеупомянутой чистой такъ называемой Молочной рѣчкѣ сообщаетъ сѣрныя частицы, которыя садятся на дно на подобіе бѣлой густой каши. Молочная рѣчка протекая излучинами, впадаетъ въ большое сѣрное озеро, и какъ ея теченіе опять начинается изъ отдаленной части озера въ различномъ стремленіи и самое озеро остается въ сторонѣ на подобіе большой губы, то и теченіе рѣчной воды совсѣмъ не замѣтно.»

«Но самое теченіе сей рѣчки или выходящій изъ озера каналъ подалѣ поводъ къ наименованію Молочною рѣчкою до самой ея вершины. Она вездѣ нарочито глубока, да и въ томъ мѣстѣ, гдѣ выходитъ изъ озера, глубиною около сажени, а шириною до четырехъ сажень. Сѣрная вода озера начинаетъ уже въ семъ каналѣ оставлять на дно, а особливо на всякомъ въ водѣ лежащемъ дрягѣ, сѣрныя известковыя частицы на подобіе бѣлаго и нѣсколько желтаго киселя, въ которомъ ясно видно медлительное происхожденіе тонкихъ слоевъ. Наипаче дерево покрыто онымъ больше, нежели на дюймъ толщиною. Однако вода въ началѣ сего покрытаго бѣлою матеріею канала очень чиста, и уже про-

шедъ до 70 саж. становится по малу бѣловатою, подобно жидкой сывороткѣ, который цвѣтъ сія рѣчка удерживаетъ съ версту въ теченіи своемъ и сообщаетъ оный въ Сугруть, въ который она впадала. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣчка, по своей глубинѣ, течетъ тише, видна на поверхности воды плавающая бѣлая кожица, какая обыкновенно бываетъ на известковой водѣ. Въ отдаленной части рѣчки находится и ледъ у береговъ, но не крѣпкій, поздраватый и состоящій изъ безчисленныхъ въ водѣ соединенныхъ пленочекъ и почти такой же, какой въ свѣжемъ молокѣ садится».

«Какъ поверхность осѣвшей матеріи на днѣ часто бываетъ темнозеленаго цвѣта, который уповательно происходитъ онъ постороннихъ частицъ воды, то лежащія одинъ на другомъ тонкіе его слои ясно отдѣлены зеленоватыми линіями въ разрѣзѣ. Гдѣ матерія легла на дерево, тамъ обыкновенно виднѣтъ красноватый цвѣтъ. Вообще осадка садится съ гладкою поверхностью, которая обыкновенно, а наипаче тамъ, гдѣ рѣчка скорѣе течетъ, усыпана достойнымъ примѣчанія сѣрымъ растеніемъ, о которомъ уже выше при первомъ сѣрномъ ключѣ упомянуто. Маленькіе живописной кисти подобные хохолки претонкихъ и мягкихъ жилочекъ, какія только вообразить можно, имѣютъ самый бѣлый цвѣтъ, но и въ увеличительное стекло не видно въ нихъ организаціи и нигдѣ не бываетъ долѣе трехъ линій. Они плаваютъ въ водѣ, какъ самый мелкій мохъ, да и видъ такой же имѣютъ; однако рождаются изъ сѣрной матеріи въ самой водѣ. Вся отъ воды отсѣвшая матерія есть ничто иное, какъ только смѣшанная съ известковыми частицами горючая сѣра, которую вода съ собою несетъ; ибо помощію алкалическаго свойства извести, принявъ горючую сѣру, она произвела совершенный родъ сѣрной матеріи, которой существо и запахъ довольно оказываются въ водѣ. Весь каналъ прежде былъ внутри обитъ досками съ построенныхъ при рѣкѣ Сока сѣрныхъ заводовъ, дабы сѣвшую на дно матерію, изъ которой дѣлали горючую сѣру, тѣмъ чаще и удобнѣе собирать было можно. Нынѣ едва видны слѣды отъ оныхъ досокъ. Сѣрные заводы переведены на Волгу и никто больше не старается о сей сѣрной водѣ. Также сказываютъ, что по всякую весну быстрое теченіе прибылой воды въ рѣкѣ почти совсѣмъ уноситъ сѣвшую.

на днѣ канала матерію, а иначе въ немъ бы гораздо больше оной находилось».

«Переѣхавъ черезъ Молочную рѣчку, продолжалъ я путь свой вверхъ подлѣ Сургута между сею рѣкою и вышеупомянутыми известковыми горами, которыя отъ часу ближе къ ней подходятъ. Въ сей странѣ ловятъ еще рыбу въ Сургутѣ; но оной уже не видно ниже соединенія съ Молочною рѣкою, да и здѣсь уже вкусомъ она худа. Однако въ сей водѣ не рѣдко водятся выдры, такъ какъ и при самомъ сѣрномъ озерѣ; ибо я видѣлъ на снѣгу ихъ слѣды, хотя никакой животной твари въ ономъ озерѣ не находится. Почти за пять верстъ отъ Молочной рѣчки, да и выше построенной на лѣвомъ берегу Сургута деревни Ишуткиной находился внизу известковой горы большой сѣрный ключъ съ деревяннымъ жолобомъ для удобнѣйшаго собиранія горючей сѣры. Но нынѣ оный заглохъ отъ пространной мельничной запруды, чего ради здѣсь и рѣчка Сургутъ перепружена и въ оной запрудѣ видно только бѣловатое и незамерзающее мѣсто. Другой сѣрный ключъ прежде составлялъ лужу на лѣвомъ низкомъ берегу, но нынѣ оный залило запруженною водою у мельницы и не видно больше никакихъ слѣдовъ, кромѣ сѣрнаго запаха и сѣвшихъ на берегу сѣрныхъ частицъ. На сей сторонѣ плотину прорвало и въ берегу вымыло большія норы, изъ коихъ чувствителенъ сильный сѣрный запахъ. Какъ въ сихъ порахъ, такъ и дагѣ въ ямахъ, въ коихъ брали землю для дѣланія плотины, видна подъ толстымъ верхнимъ слоемъ черная селитренная земля, въ которой лежатъ по всему виду перегорѣлые и поздраватые известковые камни».

«Здѣсь находится еще не большой сѣрный ключъ въ естественномъ состояніи почти подъ самою плотиною и на низкомъ болотномъ мѣстѣ праваго берега составляетъ нарочитую никогда незамерзающую лужу безъ стока воды, которая уповательно уходитъ въ болото. Сей ключъ достоинъ примѣчанія. Вода бьетъ на днѣ въ трехъ мѣстахъ изъ земли, золь подобной, и въ ней гораздо больше известковыхъ частицъ, нежели въ водѣ большаго озера; однако не имѣетъ сильнаго сѣрнаго запаха и на камышевыхъ тростникахъ очень много оставляетъ смѣшанной съ горючею сѣрою бѣлой матеріи на подобіе густой сметаны. Растущій по краямъ сего ключа мохъ покрытъ затвердѣлою глиною. Но

совсѣмъ отмѣнная матерія садилась на лежащій въ водѣ дрызгъ и хворостъ. То была свѣтлосѣрая нарочито твердая глина, толщиною въ большой палецъ, имѣющая снаружи шершавый видъ покрытой тиною морской губки. На поверхности оной находилась бѣлая весьма тонко сѣвшая матерія. Кажется, что сія отмѣнная матерія принадлежитъ къ роду морскихъ губокъ. Во время сушенія очень много ея убываетъ, а во время сженія она дѣйствительно доказываетъ нѣсколько животного».

«Еще упомянуть нужно, что известковый камень въ лежащихъ здѣсь при Сургутѣ въ горныхъ увалахъ почти весь состоитъ изъ мелкихъ пустыхъ зернышковъ, которые не много больше маковыхъ; но при точнѣйшемъ разсмотрѣніи должно оныя почесть за безчисленное множество чрезвычайно мелкихъ витыхъ улитокъ одинаковаго вида и величины. Щели известковой опоки осыпаны ипатовыми хрусталиками».

«Отъ Ишуткиной продолжая путь прямо въ сѣверную сторону, пріѣхалъ къ Шумбуту въ томъ мѣстѣ, гдѣ находятся двѣ мельницы. Я переѣхалъ по верхней плотинѣ и оттуда стремился вдоль по известковому высокому увалу, который больше нежели на версту вдоль рѣчки простирается и потомъ склонился въ сѣверозападную сторону. Внизу сего увала находится большой сѣрный ключъ, болотину составляющій и съ водою, изъ второй запруды вмѣстѣ текущій. А еще далѣе, гдѣ рѣчка уже отдалилась отъ упомянутаго увала, нашелъ я на низкомъ мѣстѣ въ маломъ разстояніи два другіе большіе сѣрные ключа, отъ которыхъ сѣрный запахъ еще издали чувствителенъ и къ коимъ я дошелъ безъ вожатаго по пробитой по снѣгу тропинкѣ. Сію тропинку пробилъ ходящій туда со всѣхъ сторонъ скотъ; ибо онъ стремится къ сѣрной водѣ и послѣ того очень здоровъ бываетъ. Оба ключи нарочито глубоки, изъ коихъ тихотекущіе большіе ручьи впади въ рѣчку Шумбутъ. Въ обоихъ на днѣ и на всякій въ водѣ лежащій дрызгъ ложится много бѣлой, киселю подобной, сѣрной матеріи, какъ у самихъ ключей, такъ и въ ихъ ручьяхъ. Также на поверхности воды видна была такая же известковая кожа, какая примѣчена въ Молочной рѣчкѣ, да и такой же слоистый ледъ въ нихъ находился».

«Отъ сихъ ключей считается невступно двѣ версты до построенной на лѣвомъ берегу дер. Якушкиной, въ которой по большей части живутъ некрещенные чувашане. Шумбуть уподобляется здѣсь не большой рѣчкѣ и ни мало еще не замерзла. Вода въ ней отъ помянутыхъ ключей столь сѣрная, что никакая рыба жить не можетъ и тиноватое дно покрыто бѣлыми сѣрными частицами».

«Отъ Якушкиной въ сѣверозападную сторону, внизъ рѣчки Шумбута, разстояніемъ въ пяти верстахъ находится длинная гора, которую чувашане *Саржатъ* называютъ. Подлѣ югозападной ея стороны видна глубокая яма, въ которой можетъ быть дорывались до горючей сѣры. Верхній слой горы состоитъ изъ желтаго мергеля, подъ которымъ лежитъ известковый шиферъ, а подъ симъ весьма мягкій по большей части изъ струистыхъ частей состоящій селенитный гипсъ, который мужики жгутъ для бѣленія печей».

«Едва съ четверть версты отъ сей ямы, въ южно-западную сторону, находится на низкомъ мокромъ мѣстѣ нефтяное озеро или болотина, въ которой біющій ключъ глубиною до трехъ, а шириною до четырехъ футовъ, и свой стокъ имѣетъ по малому ручью. Лѣтомъ, а наипаче весною, называютъ, собирается въ семъ ключѣ липкая нефтяная матерія; но нынѣ сіе озеро наглухо замерзло, и подъ льдомъ, который я велѣлъ проломать, не было слѣдовъ нефти, да и вода имѣетъ нефтяной запахъ гораздо слабѣе, нежели въ ключѣ при деревнѣ Семеновой. Но какъ дно, такъ и вся земля около сего ключа была наполнена нефтяною матеріею. Въ стокѣ сего озера видны еще остатки деревяннаго жолоба, по которому, можетъ быть, проводили воду для собиранія нефти. На нѣсколько сажень отъ нефтянаго ключа находится на той же нефтяной землѣ большой и глубокій сѣрный ключъ, но въ немъ гораздо меньше ложится горючей сѣры на дно, нежели въ вышеупомянутыхъ ключахъ».

«Отсюда по нарочито кривой дорогѣ, по причинѣ горы, считается 10 верстъ до большаго сѣрнаго ключа, при которомъ въ началѣ нынѣшняго (XVIII) столѣтія производилась выдѣлка горючей сѣры. Для защищенія сѣрнаго завода отъ находившихся въ сосѣдствѣ Башкирцевъ и Киргизъ сдѣланъ былъ шанецъ, котораго остатки и нынѣ видны и называются *Сѣрный городокъ*, хотя сей, вмѣстѣ съ сѣрнымъ заво-

72 / 143 домъ, въ новѣйшія времена переведенъ на правую сторону Волги. Какъ высокая и далеко простирающаяся гора, на которой видны еще окопы, такъ и вся страна довольно снабжена березникомъ. Внизу оной горы быють / между бѣлыми известковыми камнями многіе сильныя сѣрные ключи, составляющіе сѣрное озеро и большой ручей, въ которомъ весьма много ложится на дне известковой сѣрной матеріи. Сей ручей течетъ въ близъ находящуюся рѣчку Сургутъ, которая соединяясь здѣсь съ Шумбутомъ, сдѣлалась нарочито великою рѣкою».

„Отъ сего ключа до Сергіевска, считая по прямой линіи, не больше пяти верстъ; но какъ рѣка Сургутъ, черезъ которую ѣхать надлежало, еще льдомъ не покрылась, да и мостъ чрезъ ея находится гораздо выше, то мы принуждены были ѣхать окольною дорогою черезъ горы около десяти верстъ и, вытерпѣвъ нарочитую стужу, прибыли въ Сергіевскъ по полувочи въ третьемъ часу (16-го октября 1768 года). Страна вокругъ Сергіевска гориста, а далѣе, особливо ниже его, правый берегъ рѣки Сока нарочито плоскъ и ровень и только по лѣвому простираются высокія известковыя горы до устья ея въ Волгу».

На возвратномъ пути изъ Сергіевска въ Симбирскъ Паласъ посѣтилъ и г. Ставрополь, о которомъ онъ сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія.

147 / „Городъ Ставрополь имѣетъ пріятное положеніе на восточномъ берегу рукава Волги, который Кунья Воложка называется. Съ сухопутной стороны сіе мѣсто окружено соснякомъ и березникомъ оброслыми увалами, а по ту сторону Волги видны на правомъ берегу высокія известковыя горы, прозванныя Жугулевскими. Средняя часть города представляетъ крѣпость, состоящую изъ палисадовъ, башенъ и одной батареи. Въ оной находятся двѣ церкви, изъ коихъ одна деревянная, а другая каменная, хорошо построенная соборная церковь; сверхъ того хорошіе для коменданта и воеводы (?) дома; канцелярія, Оренбургской губернской канцеляріи подсудная, также дома канцелярскихъ начальниковъ и другихъ въ службѣ состоящихъ чиновныхъ людей; мушной и соляной магазинъ, рынокъ и школа. Въ верхней части построены улицы, въ коихъ живутъ гарнизонные солдаты и казаки; есть тамъ тоже деревянная церковь, а еще другая

Упомянутыя горы между нами деревне Жугулево.

находится въ построенной ниже ~~примости~~ купеческой слобо-
дѣ. Число домовъ въ Ставрополѣ простирается до 150 ~~набережн. сот 13~~

Осмотрѣвъ въ эту поѣздку хозяйство и домашній бытъ поселенныхъ въ Ставропольскомъ уѣздѣ Калмыковъ, Палласъ рѣшительно не призналъ ихъ способными къ земледѣльческой культурѣ и вслѣдствіе сего не предвидѣлъ никакой пользы отъ поселенія сего народа на привольныхъ Ставропольскихъ земляхъ. «Отъ такого народа, пишетъ онъ, который привыкъ къ вольному, праздному и почти во всемъ пріятному наступшему житію, трудно надѣяться, чтобы онъ когда нибудь промѣнялъ оное на трудное брестыянское житіе».

Вторая поѣздка Палласа по Самарской губерніи.

Во вторую поѣздку свою по Самарской губерніи, Палласъ прибылъ въ Самару въ ~~концѣ~~ мартѣ 1779 года.

«Со дня нашего пріѣзда въ Самару, рассказываетъ онъ, началась теплая погода, и весенніе послѣдніе дни мартѣ были столь хороши, что въ короткое время растаялъ снѣгъ на освѣщаемыхъ полуденнымъ сіяніемъ солнца увалахъ около Самары, и хотя съ послѣдняго числа мартѣ на первое апрѣля выпалъ глубокій снѣгъ; однако въ слѣдующіе дни столь скоро растаялъ, что 12 числа апрѣля въ поляхъ трава показалась. Но какъ ледъ на Волгѣ отчасу становился хуже; то еще въ мартѣ, до совершеннаго окончанія зимняго пути, поспѣшилъ я объѣздить около лежащія мѣста. — Апрѣля 9-го числа тронулся ледъ на рѣкѣ Волгѣ, такъ что еще того же вечера прошло онаго больше двухъ третей».

«Возставшій 13 числа сѣверный вѣтръ произвелъ опять сильный ходъ льду, который непрерывно продолжался до 15 числа, и черезъ то рѣка совершенно очистилась».

«Въ сихъ странахъ рѣдко стоитъ ледъ на Волгѣ за половину апрѣля, а иногда проходить еще въ мартѣ мѣсяцъ».

«Во время изрядной и безпрестанно продолжающейся весенней погоды кажется то неудивительно, что въ половинѣ апрѣля уже появились цвѣты на поляхъ. 14-го числа начали цвѣсти верба и орѣшникъ; съ 15-го по 18-е число всѣ увалы были украшены пріятными цвѣтами орнитогаля (Ornithogalum minimum), также серебряникъ (Patentilla) и стародубка (Adonis verna), а при кустахъ фіалка и одномѣ-

сячникъ (*Anemone patens*) (*) находились въ полномъ цвѣту.— Въ то же время распускались листья на березахъ и рябинахъ, а послѣ 20-го и у всѣхъ прочихъ кустовъ».

«Еще до исхода апрѣля цвѣли и дикія яблони, коихъ около Самары великое множество; также гороховое дерево и раkitникъ (*C. tibus hirtutus*), который обыкновенно растеть во всѣхъ мокрыхъ мѣстахъ и въ сей странѣ бѣлякъ, а гороховое дерево челига или челижникъ называется».

«Стадовые птицы еще прежде показались; 19 и 20 числа видѣли уже дикихъ лебедей и гусей, а 25 находилось множество всякихъ утокъ на открытыхъ мѣстахъ воды.—Кн-воки летѣли 26 числа, и еще до исхода марта показались всѣ водяныя птицы.—Я вездѣ примѣтилъ, что сіи стадовые птицы въ здѣшней странѣ, такъ какъ и во всей Европѣ, летѣли отъ Запада въ Сѣверо-западную сторону.—Напротивъ того бабы птицы (*Pelicanus onocrotalus*) и аисты, коихъ видятъ здѣсь и бѣлыхъ и называютъ стерха, да и журавли съ полевыми птицами летаютъ сюда изъ полуденныхъ странъ. Изъ полевыхъ птицъ были уже въ половинѣ марта первыя сойки, а въ исходѣ онаго мѣсяца дикіе голуби, скворцы и жаворонки, которые сначала весны, такъ какъ и воробьи, летаютъ здѣсь стадами, и послѣ сихъ показались хохлушки».

«Около сего же времени во всѣхъ мѣстахъ, на которыхъ уже снѣгъ растаялъ, было множество сусликовъ, которые имѣютъ видъ весьма различный. Насѣкомыя показались вмѣстѣ съ цвѣтами; и какъ шмели, такъ и ройныя пчелы собирали первую себѣ пищу съ цвѣтовъ, травы, одномѣсячника и вербы.—Изъ числа насѣкомыхъ, въ одно время съ пчелами показавшихся, были бабочки разныхъ родовъ».

«Но не смотря на теплую погоду и великое множество насѣкомыхъ, не видно было ни одной ласточки до 16-го апрѣля, котораго числа начали онѣ показываться съ другими птицами—щурками. Сіе служить доказательствомъ, что онѣ принадлежатъ къ странствующимъ стадовымъ птицамъ, по-

(*) *Anemone patens* (*Pulsatilla patens*—прострѣлъ, сонъ трава) сія трава обыкновенно цвѣтетъ весною въ сихъ странахъ, и цвѣтъ имѣетъ разный—голубой, лазоревый, снѣжный, совсѣмъ бѣлый, а рѣдко свѣтло-желтый.—Но какъ оный цвѣтъ бываетъ видѣнъ только въ апрѣлѣ, то и называли его одномѣсячникомъ, и навивавъ цвѣты на очищенную розгу обыкновенно втыкаютъ въ избахъ для украшенія.—Изъ синихъ цвѣтовъ, варенныхъ съ сернухою и квасцами, выходитъ превосходная зеленая краска.
(Пр. Палласа).

тому что онѣ по крайней мѣрѣ не появились бы прежде земляныхъ животныхъ».

«Теперь я долженъ коротко упомянуть и о самомъ городѣ Самарѣ. — Строепіе по большей части простирается по берегу Волги, и занимаетъ произшедшій уголь между Волгою и сѣвернымъ устьемъ Самары. Сначала была въ городѣ деревянная крѣпость; но какъ она въ 1703 году сгорѣла, то въ 1704 г. сдѣлана на восточной сторонѣ, между Волгою и Самарой, на низкомъ увалѣ, правильная земляная крѣпость съ дефилями, которая еще и нынѣ видна. Жители сего города, отчасу въ большее приращеніе нынѣ приходящаго, имѣютъ себѣ пропитаніе отъ скотоводства, и отъ великаго торгова^{своею и}ніе^и рыбой и икрою; чего ради они, какъ въ концѣ года, такъ и весною по простествіи льда, ѣздятъ караванами чрезъ степь къ Яику (Уралу), и свои товары продаютъ другимъ изъ сѣверныхъ и западныхъ странъ туда приходящимъ купцамъ. Для отправленія сего торго^ива обыкновенно весною дѣлается мостъ чрезъ Самару, и къ главному городку яицкихъ (Уральскихъ) казаковъ проложена чрезъ степь прямая дорога съ уметами или зимовьями въ извѣстномъ разстояніи, по которой дорогѣ бывають и мосты чрезъ Мочу, Иргизъ и другія въ степи рѣчки. — Также и яицкіе казаки по большей части ѣздятъ по этой дорогѣ за хлѣбомъ, и отъ Самары раздѣляются въ плодородныя мѣста вдоль Кинеля, Сока, Черемшана и Волги».

«Впрочемъ нѣкоторые Самарскіе жители имѣютъ свои собственные рыбныя ловли на Волгѣ и въ степныхъ рѣчкахъ Мочѣ и Иргизѣ, которыя причисляютъ они къ Самарскому уѣзду. Кромѣ тамошняго скота отправляется небольшой торговъ Киргизскими и Калмыцкими овцами, кожами и саломъ. Кромѣ нѣкоторыхъ кожевенныхъ и одного за городомъ построеннаго, посредственнаго нефтянаго завода и шелковой фабрики (?), нѣтъ больше никакихъ другихъ заводовъ».

«Впрочемъ, примѣчать надлежитъ, что Самарскіе мѣщане подсудны зависящему отъ Казны комиссаріату; напротивъ того тамошніе казаки состоятъ въ вѣдомствѣ Оренбурга; да и прежній уѣздъ города Самары почти весь причисленъ къ Оренбургской губерніи».

«Зимою собираются въ Самару торгующіе Касимовскіе татары, которые напередъ при Яикѣ вымѣнивають у Киргизъ

226 | 227

цевъ и Калмыковъ мерлушки, и сюда привозить; потомъ они разбираютъ оныя, и находящимся близъ города Калмыкамъ отдаютъ выдѣлывать и шить изъ нихъ тулупы, а послѣ того уже отвозятъ въ Москву и другіе города. Хорошіе мерлушачьи тулупы, въ Россіи продаваемые, по большей части идутъ отсюда; притомъ же здѣшнія калмычки, которымъ отдаютъ за шитье мерлушачьи лапки, сшиваютъ оныя сперва вдоль, а послѣ изъ нихъ шьютъ тулупы, и обыкновенно продаютъ дешево. — Чтобы нитки для шитья обошлись имъ дешевле, то распускаютъ онѣ російскій холстъ, разрѣзанный длиною въ а шнѣ, и такими нитками шьютъ простой товаръ, а для себя шьютъ разодранными звѣриными жилами, которыя гораздо крѣпче нитокъ.

Какъ скоро ледъ на Волгѣ прошелъ, то бываетъ на ней нарочито много судовъ, идущихъ, какъ изъ верхнихъ странъ въ Астрахань, такъ и вверхъ по рѣкѣ внутрь Россійскаго Государства и часто они пристають къ городу. — Ходящія сверху суда по большей части нагружены бываютъ строевымъ и другимъ лѣсомъ, деревянною и глянценою посудой, желѣзными вещами, чужестранными товарами и всякимъ хлѣбомъ. — Напротивъ того изъ низовыхъ странъ Волги, выходячая назначенныя во все верхніе города и магазины суда съ Елтонскою солью, ходятъ только темныя съ Астраханскими товарами, кожами, саломъ и проч.

Страна около города Самары есть высокая, нарочито ровная и по малу возвышающаяся холмами степь, которая въ рѣкѣ Самарѣ прорыта глубокими, отъ теченія снѣговой воды происшедшими буераками. Земля вездѣ состоитъ изъ смѣшанной съ пескомъ и камнями глины, а къ Волгѣ пошла больше песчаная. Въ буеракахъ и въ берегахъ находится много кремней, между коими попадаются красноострые, пламенные и пріятными фигурами украшенные агаты. Не въ давнемъ времени набрали ихъ множество для Екатеринбургской гранильной фабрики. — Въ той горѣ, которая около пяти верстъ находится отъ города вверхъ по рѣкѣ, лежитъ подъ черноземомъ свѣтло-сѣрый мѣлистый мергель, а подъ симъ рыхлый, однако хорошій гипсовый камень, который чѣмъ лежитъ глубже, тѣмъ онъ крѣпче. — Въ здѣшнемъ же гипсѣ есть знатные слои перядочнаго травчатого агата. — По всей горѣ, на которой растетъ много изрядныхъ травъ, находятся

глубокія и широкія ямы, отъ проваловъ земли происшедшія, да и нынѣ еще случающіяся».

Уповательно, что спѣговая вода, въ иныхъ мѣстахъ подземное теченіе имѣющая, вымываетъ по малу, находящуюся въ горѣ, между гипсовою опокѣю землю, и напослѣдокъ подмытый верхній слой земли проваливается. Такія ямы и мѣста весьма изрядно обросли кустами. Отъ Самары верстъ на двадцать находится уже вездѣ высокая степь съ черноземомъ, на которомъ растетъ трава почти съ человѣка вышиною, и весною должно оную сожигать.

На такихъ мѣстахъ Самарскіе казаки имѣютъ скотные дворы или хуторы.

Всѣ вверху по рѣкѣ Самарѣ простирающіеся и гористый ея берегъ составляющіе холмы имѣютъ столь хорошее положеніе, и отчасти столь способную землю, что къ посадкѣ винограда нигдѣ не можно найти лучшей страны въ Россійской Имперіи; и конечно бы удалось развести виноградные сады, если бы искусныя въ такомъ дѣлѣ садовники сдѣлали опытъ съ виноградомъ, который удобно растетъ на плодотворной землѣ.

Въ здѣшнихъ мѣстахъ можно было бы съ прибыткомъ садить многія другія полезныя растенія, требующія теплаго климата и растущія въ южныхъ земляхъ Европы.

Но нынѣ еще не старался о произращеніи другихъ плодовъ, кромѣ арбузовъ и стручковаго перцу. Самарскіе жители много разводятъ арбузныхъ огородовъ, называемыхъ бахчи, въ степи, по обѣимъ сторонамъ Самары.

Какъ арбузовъ у нихъ великое множество, то обыкновенно ихъ солятъ также какъ огурцы; но вкусъ бываетъ весьма противный. Другіе же варятъ изъ нихъ игольникъ, который вкусенъ, но только не всегда удается.

Стручковый перецъ, котораго гораздо больше родится въ Астрахани, гдѣ и продается подъ именемъ красной горчицы, сѣютъ здѣсь такимъ же образомъ, какъ капустныя сѣмена, въ плоскихъ на сваяхъ поставленныхъ ящикахъ: по въ началѣ іюня разсаживаютъ рассаду, на приготовленныхъ въ огородѣ грядкахъ, и поливаютъ, пока она придетъ въ силу. — Очень рѣдко случается, что ранніе осенніе морозы препятствуютъ созрѣвать плоду. Спѣлые стручки сушатъ въ печи, потомъ толкутъ въ деревянныхъ ступахъ, и пудъ перцу

продаютъ и^и два рубля и меньше, за извѣстную простому народу приправу въ пищѣ».

«Около Самары начали разводить и яблонные сады, которые около Симбирска и Сызрани производятся съ хорошимъ успѣхомъ и прибыткомъ; но червей и другой гадины здѣсь такое множество, что причиняемаго ими вреда въ садахъ никакъ избѣжать не можно».

«Впрочемъ изъ дикихъ овощей находится много яблоней, дикихъ миндальныхъ кустовъ (*Amygdalis nana*) (*) и нарочито высоко растущихъ дикихъ вишенъ, имѣющихъ вкусъ весьма душистый. Какъ дикіе вишневые, такъ и миндальные кусты по раннему и хорошему цвѣту превосходно способные къ садовымъ кустарникамъ, а къ шпалерникамъ нѣтъ способности дикой яблони, ибо она сама собою такъ растетъ.

«Кромѣ вышеупомянутыхъ изрядныхъ весеннихъ растений находятся еще многія другія на увалахъ около Самары растущія, рѣдкія и примѣчанія достойныя травы, изъ коихъ извѣстнѣе всѣхъ Румяница, (*Onosma echinoides*), у которой корень имѣетъ снаружи изрядный красивый цвѣтъ. Тамошнія дѣвицы собираютъ оной травы коренья, мажутъ масломъ и употребляютъ вмѣсто румянъ: почему у нихъ сія трава — румяницею, а у Татаръ кршагъ называется».

«На низкомъ берегу Самары между камнями растетъ много дикой марены (*Rubia peregrina*), но у ней корень топокъ, и кажется, что къ крашенію совсѣмъ негоденъ; чего ради здѣшніе жители собираютъ для крашенія въ красный цвѣтъ однѣ только корни сыворочной травы (*Asperula tinctoria*).

«Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ города находится на низкихъ мѣстахъ къ рѣкѣ Самарѣ и солодковое дерево съ мохнатыми стручками (*Glicirhiza hirsuta*), котораго корень собираютъ и употребляютъ на лѣкарство».

«Около Самары растетъ также дикая спаржа, да и вездѣ по Волгѣ оной много, только рѣдко бываетъ толщиною въ мизинецъ. Самая лучшая и въ пищу годная спаржа есть та, которая растетъ на низкомъ мѣстѣ по стеченію высокой воды;

(*) Миндальникъ степной. Кустарникъ отъ 2 до 4 фут. вышины, съ узкими, ланцетовидными листьями и многочисленными блѣдно-розовыми цвѣтами. Это растеніе близкій родичъ миндальнаго дерева (*Amygdalus communis*), которое у насъ разводится въ Крыму на шпалерахъ и въ Херсонской губерніи.

но здѣшніе жители не знаютъ еще употреблять оную въ пищу, и для того не собираютъ».

«Изъ достопамятныхъ звѣрковъ, въ Самарской странѣ находящихся, необходимс надлежитъ упомянуть о сонныхъ крысахъ (*Sciurus glis*), которыхъ въ Италіи откармливаютъ на убой. Я находилъ ихъ въ норахъ каменныхъ горъ на восточномъ берегу; да они и тамошнимъ жителямъ извѣстны подъ именемъ земляной бѣлки. Часто дѣлалъ я опыты, чтобы какъ сихъ, такъ и другихъ зимою спящихъ звѣрковъ, какъ напр. ежей и сусликовъ усыпить и лѣтомъ въ ледникахъ; и оныя опыты были удачны, такъ что сіи звѣри черезъ нѣсколько дней дѣлались совсѣмъ нечувствительны».

«Изъ всѣхъ здѣшнихъ степныхъ звѣрковъ почитается лучшимъ и особливаго примѣчанія достойнымъ земляной заяцъ (*Lepus minutus*), который меньше крысы; однако имѣетъ всѣ признаки и почти такую же шерсть, какъ на простомъ зайцѣ, только уши у него короче и круглѣе.—Сей звѣрокъ водится въ зарослыхъ кустами и травами мѣстахъ, гдѣ вырываетъ себѣ нарочито глубокія норы со многими ходами, и во весь день тамъ пробываетъ.—Въ сумеркахъ выходятъ изъ норы, ищутъ себѣ пищи, и какъ въ вечеру, такъ и при восходѣ солнца кричатъ громкимъ и почти перепелиному подобнымъ голосомъ, который слышенъ за нѣсколько верстъ. Я видалъ сихъ земляныхъ зайцевъ по обѣимъ сторонамъ Волги, по всей Самарѣ, также при рѣкахъ Кинелѣ и Яикѣ даже до самой соляной степи».

«Немногіе деревенскіе жители звають, что за звѣрокъ кричитъ въ сумеркахъ такимъ голосомъ, который въ сихъ мѣстахъ столь часто слышенъ.—Нѣкоторые по сему голосу называютъ его чекушка, а татары сулганъ. Онъ щенится въ исходѣ мая мѣсяца, и щенятъ бываетъ отъ 4 до 6, которые въ первыхъ дняхъ лежатъ слѣпы и голы, но нарочито велики и растутъ скоро.—Зимою подъ снѣгомъ дѣлаетъ онъ себѣ ходы по дерну, для снисканія себѣ пищи,—а лѣтомъ питается листьями раakitника и сочными травами.

«При Самарѣ водятся также выхухолы (*Sorex mosbatus*), въ озерахъ, внизъ по рѣкѣ простирающихся. Но чѣмъ выше вверхъ по рѣкѣ, тѣмъ ихъ меньше, а при рѣкѣ Яикѣ и совсѣмъ ихъ нѣтъ, хотя вдоль Волги въ сѣверную сторону до самой Оби ихъ гораздо больше, нежели другихъ звѣрковъ.—

Выхухолей по большей части ловят осенью и весною вершами и мережами, и притомъ задохнувшихся, хотя онѣ по внутреннимъ частямъ (по внутреннему устройству тѣла) и могутъ долго быть въ водѣ. Сія звѣрки дѣлаютъ себѣ норы въ высокихъ берегахъ подъ водою; однако такимъ образомъ, что выходъ проведенъ вверхъ наискось, и такъ гнѣздо ихъ бываетъ сухо.—Слѣдовательно зимою не имѣютъ они въ норахъ никакого другаго воздуха, кромѣ подземнаго“.

«Напротивъ того, коль скоро ледъ прошелъ, то часто выходятъ они на поверхность воды и играютъ на солнцѣ.—Выхухоль питается червями, а особливо шйвицами, коихъ съ невѣроятною скоростью вырываетъ изъ тины, къ чему весьма способенъ чрезвычайно чувствительный и нервами наполненный хоботокъ, которымъ она всячески поворачиваетъ.—Часто слышно, что они также какъ утки, щелочутъ въ водѣ, причемъ вбираютъ въ ротъ помянутый хоботокъ. Если ихъ дразнить, то пищать по мышачьи и кусаютъ опасно!».

«Легко можно подумать, что въ столь теплой и сухой странѣ, какова есть Самарская, должно быть великому множеству всякой гадины.—Простыхъ зеленыхъ и сѣрыхъ ящерицъ столь много, что почти нѣтъ ни одного куста, въ которомъ бы не находилось такого животнаго, и промежъ высокой травы видны вездѣ ихъ норы, у коихъ обыкновенно бываетъ два хода.—Также не меньше находится простыхъ змѣй (*coluber berus*) и ехидна (*coluber natrix*), а въ навозныхъ кучахъ водятся еще черныя ядовитыя змѣи особеннаго рода (*coluber melanis*).

«Изъ насѣкомыхъ примѣчанія достойныя превеликіе тарантулы, находящіеся и во всѣхъ южныхъ странахъ вдоль Волги и при Яикѣ.—Около Самары ихъ великое множество.—Какъ скоро снѣгъ растаялъ, то видны были на глинистыхъ поляхъ и во рвахъ ихъ норки глубиною до двухъ футовъ въ землѣ, которыя вырываютъ они сами почти прямо въ твердую почву.—Изъ норокъ выходятъ они только ночью для снисканія себѣ добычи.—Я не нахожу, чтобы они чѣмъ нибудь отличались отъ знаменитыхъ итальянскихъ тарантуловъ, да часто бываютъ и больше оныхъ, такъ что съ трудомъ лазятъ въ свои норки, въ которыя большой палецъ легко войти можетъ».

«Не смотря на сіе ихъ сходство съ тарентинскими пауками, совсѣмъ неизвѣстно во всѣхъ здѣшнихъ полуденныхъ и весьма жаркихъ странахъ ядовитое ихъ угрызеніе. Крестьянскіе дѣти часто вырываютъ ихъ изъ порокъ для игранія паутиною, которую изъ нихъ вытягиваютъ, нерѣдко случается, что они ихъ нарочно больно кусаютъ.—Да и меня самого однажды укусилъ такой же паукъ, а казака, при мнѣ находившагося для ловленія разныхъ животныхъ, искусили до крови, и хотя оттого была нѣсколько дней у него чувствительная опухоль, однако впрочемъ безъ всякаго вреда миновалась».

«Столь необходимо нужныхъ къ употребленію въ лѣкарство шанскихъ мухъ (*Meloe vesicatorius*) можно во весь май мѣсяцъ не токмо около города Самары, но и при рѣкахъ Кинель и Самарѣ, да и при среднемъ Яикѣ собирать великое множество съ кустовъ татарской жимолости и снабжать оными находящіяся внутри Россіи аптеки».

«Нигдѣ такого множества не видалъ я клещей (*Acarus gedivius et ricinus*) (*), какъ въ кустарникахъ около Самары. Почти невозможно войти въ лѣсъ безъ того, чтобы не припести ихъ множество на платѣ».

По пути изъ Самары въ Оренбургъ Палласъ посѣтилъ пригородъ Алексѣевскъ.

«До Алексѣевска мы ѣхали» рассказываетъ Палласъ «вверхъ по р. Самарѣ. По большей части дорога проходила по высокой, сухой степи, имѣющей перелѣски и луга, на которыхъ много росло ягодной мокрицы и качима. За 10 верстъ отъ Самары находится на высокомъ мѣстѣ глубокое, безрыбное озеро больше полуверсты длиною и еще стоячая болотина. 29

«Пригородъ Алексѣевскъ (**) состоитъ на горѣ при р. Самарѣ, въ которую немного выше сего мѣста впадала рѣка Кинель съ правой стороны. При самомъ соединеніи рѣкъ начинается Закамская линія, слѣды которой уже нарочно заросли. Алексѣевскъ отчасти населенъ Самарскими казаками, отчасти отдѣленными солдатами, и отчасти ремесленными и 12

(*) Клещи—это маленькія пауки, снабженные хоботкомъ, при помощи котораго виваются въ тѣло человека и животныхъ. Лучшее средство удалить присосавшагося клеща деревянное или конопляное масло, отъ нѣсколькихъ капель котораго они съживаются и отпадаютъ.

(**) При Алексѣевскѣ есть скринные ключи, вода которыхъ цѣлительна во многихъ болѣзняхъ, и есть надежда на устройство водо-лечебнаго заведенія.

пахатными людьми, и уподобляется большому селу. Въ той горѣ, на которой построенъ сей пригородъ, ломають мягкій бѣлый известковый камень, изъ коего жители дѣлають разныя мелочныя вещи. Но большая часть холма лежитъ на гипсовой опоке, которая видна въ берегу Самары, и раскололась на горизонтальныя плиты. Сія гипсовая опока состоитъ изъ сѣрыхъ, желтоватыхъ, бѣлыхъ и селенитныхъ слоевъ. Бѣлаго камня гораздо больше, а напротивъ того сѣрый имѣетъ весьма тонкіе слои. Въ ямахъ находится иногда зеленый мергель. На вершинѣ горы, и при томъ въ самомъ пригородѣ есть нарочито глубокая котлу подобная яма, которая никогда не высыхаетъ и называется Ладанское озеро, потому что на берегахъ ея слышанъ сильный нефтяной запахъ. Вода въ ней мутна, иловата, и пахнетъ тиною, однако скотина пьетъ оную охотно. Рыбы въ ней совсѣмъ нѣтъ. Напротивъ того въ находящихся на низкихъ мѣстахъ озерахъ есть много не только рыбы, но и выхухолей и черепахъ. Въ рѣкѣ Самарѣ водится здѣсь много Волжскихъ стерлядей и сазановъ».

«По ту сторону Самары находятся изрядные сѣнокосныя луга, на которыхъ росло много дикаго чесноку, солодковаго дерева съ мошистыми стручками и спаржи. На каменистомъ берегу Самары находится трава серебряникъ и отъ сего мѣста начали въ южныхъ странахъ показываться голубые кузнечики».

«Обыкновенная Оренбургская лѣтняя дорога идетъ отъ Алексѣевска по степной или лѣвой сторонѣ Самары, а зимою между Самарой и Кинелемъ по лугамъ и холмамъ на Мочинскую слободу и Красно-Самарскую крѣпость. По сей дорогѣ я ѣхалъ зимою въ концѣ года. Не можно себѣ представить пріятнѣйшей страны, потому что во многихъ мѣстахъ лишь находится лѣсъ сосновый, осиновый, березовый, также есть изобильныя травами холмы и сѣнокосныя луга. Въ сей странѣ водятся еще дикія козы, сайги называемыя, и лоси, зимою странствующія столь далеко, по коихъ мѣстѣ Самара и впадающія въ нее рѣчки обросли кустарниками, да и до самой гористой степи. Лоси въ зимнее время по большей части питаются молодыми вѣтвями и корою осины и тополя, и такого корма въ сей странѣ для нихъ довольно, а лѣтомъ имѣютъ они убѣжище и пищу въ пространной, ненаселенной степи.

«Сии гористыя страны дикимъ козамъ особливо пріятны для того, что съ холмовъ весь снѣгъ вѣтромъ сноситъ, и они легко могутъ находить себѣ кормъ. Какъ лосей, такъ и дикихъ козъ бьютъ казаки въ здѣшнихъ мѣстахъ немалое число ежегодно, и обыкновенно ходятъ на звѣринные промыслы около марта мѣсяца, ибо тогда солнце довольно имѣетъ силы поверхность снѣга превращать въ черепъ, по которому скоро можно бѣгать на лыжахъ. Напротивъ того помянутые звѣри проламываются, и черезъ то въ бѣгу имѣютъ великое препятствіе. Въ такую пору ищутъ ихъ слѣдовъ, загоняютъ въ долины, въ коихъ часто наносятъ снѣгу на нѣсколько аршинъ вышиною, и тамъ ихъ стрѣляютъ, или охотничьи собаки, которыхъ также снѣговой черепъ поднимаетъ, останавливаютъ звѣря, и охотникъ, догнавъ его, убиваетъ рогатиною. Особенно дикія козы на побѣгѣ такъ повреждаютъ себѣ ноги, что бываютъ не въ состояніи далѣе бѣжать.

«Лоси обороняются отъ собакъ ногами и нерѣдко убиваютъ ихъ копытами. У лося послѣ течки, то есть ноябрѣ мѣсяцѣ, спадываютъ тяжелые рога и весною вырастаютъ новые. Лосиха телится почти всегда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, и обыкновенно имѣетъ двухъ лосенковъ».

«Кожи дикихъ козъ продаются весьма дешево, и какъ лоси весьма легки и видомъ красивы и не вбираютъ въ себя влажности, то нѣкоторыя употребляютъ ихъ вмѣсто бурока. Лосиные кожи продаются по рублю и дороже, а мясо почти за ничто отдаютъ».

«Кромѣ оныхъ звѣрей водятся здѣсь и далѣе въ степи при Самарѣ и Кинелѣ изрядные горностаи, а въ лѣсистыхъ мѣстахъ посредственныя куницы, у которыхъ шерсть на нихъ рыжаго цвѣта. Охотники изъ казаковъ осенью бываютъ немалое время въ степи и ловятъ какъ лисицъ, такъ выдръ и бобровъ, и сии попадаютъ только при рѣкахъ, да и то очень рѣдко. Чѣмъ далѣе вверхъ по Самарѣ, и потомъ въ южную страну, тѣмъ хуже становятся лисицы и походятъ на сѣрыхъ степныхъ лисицъ, коихъ киргизы Караганъ называютъ, и привозятъ въ Самару для мѣны на другой товаръ».

Изъ Алексѣевска Палласъ направился, своротивши съ прямого Оренбургскаго тракта, на рѣку Кинель и черезъ Бриволуцкъ и Мысеевку прибылъ въ Черкасскую слободу,

построенную на берегу рѣки Кинеля, объ которой онъ приводитъ слѣдующія, не лишеныя интереса подробности.

205 +3) Малороссійскіе поселяне, которые прежде во многихъ мѣстахъ Яицкой линіи завели было жилища, по причинѣ киргизскихъ набѣговъ, не могли тамъ жить, и построили Черкасскую слободу въ 1744 году, которая находится нынѣ (*) въ цвѣтущемъ состояніи. Они живутъ по старинному своему обыкновенію, имѣютъ чистые дворы, бѣлыя избы, съ хорошими печами и трубами, по большей части стараются о разведеніи табаку и скотоводствѣ и препровождаютъ жизнь веселую и непринужденную. Они выбираютъ между собою атамана, который имѣетъ подъ собою есаула, и сей выборъ утверждаетъ Ставропольская канцелярія. Платье носятъ казачье съ польскимъ сходственнымъ. Бабы лѣтомъ ничего болѣе не носятъ, какъ одну только рубаху съ вышитымъ воротникомъ, и вмѣсто юбки обвертываютъ около себя клѣтчатую пеструю каразею, которую онѣ сами ткнутъ, и подвязываютъ широкимъ поясомъ. Сіе одѣяніе называется у нихъ плахта, и какъ въ цвѣтѣ, такъ и въ полосахъ великое имѣетъ сходство съ заграничнѣе горныхъ шотландцевъ, который они пландъ (плэдъ) называютъ. Черкасскія жены носятъ на головѣ небольшія шапочки изъ пестрой матеріи, и повязываютъ сверхъ оныхъ повязку, у которой назади отъ узла висятъ вышитыя лопасти. Дѣвицы плетутъ свои волосы не такъ какъ Россійскіе въ одну, но въ двѣ косы, обвиваютъ около головы, и повязываютъ пестрою повязкою, которая вышита бисеромъ. Черкасское сватаніе въ настоящемъ дѣлѣ, (которое и у горныхъ шотландцевъ употребляется съ небольшою отмѣною) во всемъ сходствуетъ съ татарскимъ обыкновеніемъ. Но сіе сватаніе продолжается до двухъ лѣтъ, и въ первомъ году жениху не позволено прикасаться къ невѣстѣ. Когда идетъ она отъ вѣнчанія, то несутъ за нею, по жениховымъ словамъ, черную или красную плахту, и то значитъ, каково себя невѣста вела въ послѣднее время сватанія, когда уже дѣлается женихъ вольнѣе, и содержала ли себя непорочно, или самозвольно до себя допускала.

Для скотоводства имѣютъ они въ степи построенныя скотныя дворы. — Наипаче держатъ они много рогатаго скота, и въ полевую работу по большей части употребляютъ быковъ,

(*) Т. е. въ 1769 году.

хотя ные мужики имѣютъ у себя по 20 и 30 лошадей. — Овечьи стада также многочисленны, и нѣкоторые хозяева содержатъ у себя до 400 овецъ. — Однако они заодноинно говорятъ, что ихъ овцы въ сей странѣ весьма переродились, и шерсть на нихъ растеть уже длиннѣе и суровѣе, что можно бы кзжется отвратить учрежденіемъ овечьихъ заводовъ, и частымъ смѣшиваніемъ разныхъ стадъ съ чужестранными баранами. Впрочемъ имѣютъ они хорошее обыкновение, что овецъ спускаютъ съ баранами уже послѣ Петрова дня, дабы овцы ягнлись въ надлежащее время. — Они стараются также о чистотѣ скота, и особливо зимою наблюдаютъ, чтобы сѣно не бросать овцамъ подъ ноги, но не допуская еще къ корму, класть оное порядочно, дабы шерсть на нихъ не портилась. Снятую съ овецъ шерсть по большей части продаютъ они на Инкѣ, и цѣна бываетъ разная, такъ что продается пудъ оной отъ двухъ до трехъ рублей; но бараны ихъ состоятъ почти въ одной цѣнѣ съ киргизскими, и гоняютъ ихъ вмѣстѣ съ быками на Волгу для продажи. Скотскаго надежда никогда у нихъ не бывало, но только иногда нападаетъ на овечьи стада короста, отъ которой лѣчатъ они простымъ лекарствомъ, а именно: варятъ табачные листы въ водѣ, и тѣмъ ихъ поятъ, а для прогнанія глисть или червей у скота употребляютъ они траву рѣшникъ (*Agri-monia*), которую потому и называютъ Червичникомъ».

«Въ произращеніи табаку по большей части упражняется женскій полъ. Они разводятъ только круглолистный табакъ. Кромѣ того сѣютъ они для собственнаго употребленія еще разные огородные овощи, какъ то: арбузы, турецкое шшено и всякія травы, годныя на приправку кушаній».

«Съ половины іюня до половины іюля мѣсяца бабы и дѣвки собираютъ червеца. Они ищутъ сего насѣкомаго на сухихъ и тонкихъ мѣстахъ по большей части около корня земляники, которая у нихъ клубайка называется, также при рѣдко растущей травѣ мохна (*Potentilla reptans*). — Они вырѣзываютъ сію траву ножикомъ, и собираютъ въ сосудъ находящіеся на верхней части корня синіе пузырьки, коихъ числомъ до 10 и до 12 бываетъ на одномъ растеніи, и въ которыхъ находится красильное насѣкомое. — Сии пузырьки, смотря по погодѣ, приходятъ въ совершенство то ранѣе, то позже въ іюнь мѣсяцъ; а въ іюль начинается уже сіе насѣкомое вы-

лунаться. что и Черкасскимъ бабамъ довольно извѣстно. — Онѣ охотиѣ собираютъ вылунившуюся камаху, ненежи пузырки, потому что изъ оной выходитъ краска чище и лучше. — Собранный червецъ катаютъ въ ситѣ для очищенія отъ земли, потомъ сушатъ на сковородѣ въ печи, или на угольяхъ, не большой жаръ искаующихъ».

«По причинѣ труднаго собиранія продаютъ червецъ нарочито дорого, и собираютъ его не больше, какъ сколько имъ надобно для домашняго употребленія; ибо они красятъ червецомъ поясы и шерстяную пряжу, которою вышиваютъ узоры на своей одеждѣ. — Если хотятъ они пряжу красить, то кладутъ въ чрезмѣрно кислый квасъ, прибавляютъ еще квасцовъ, и ставятъ сосудъ на цѣлые сутки въ печь. — Потомъ вынувъ пряжу, выжимаютъ и сушатъ, а червецъ въ горшкѣ трутъ и варятъ въ водѣ. Когда всѣ красильныя частицы изъ онаго выдутъ, то опускаютъ пряжу въ горшокъ и еще варятъ. — Горстью червеца красятъ они столько пряжи, сколько потребно на два пояса или тесьмы, что составляетъ близъ фунта шерсти. — Краска изъ червеца цвѣтомъ немного лучше краски изъ травы душицы (*origanum*), только что она не скоро линяетъ».

Палласъ осматривалъ эту мѣстность вверхъ по рѣкѣ Кинелю до Бугуруслана. «Во всѣхъ мѣстахъ», говоритъ Палласъ, находится пріятный березовый лѣсъ. Дикая степь по большей части обросла высокой травой, и вездѣ въ оной можно завести пашни. Всѣ переведенныя сюда изъ многочисленно населенныхъ странъ Россіи поселяне, въ числѣ коихъ находится много Мордвы, живутъ благополучно. Въ горахъ вдоль Кинеля найдена небогатая мѣдная руда. — На сей же гористой сторонѣ находится много сурковъ, и во всѣхъ степныхъ мѣстахъ водятся большіе сѣрые суслики, коихъ Черкасы Авражками называютъ».

Изъ Черкасъ Палласъ проѣхалъ по сухой степи, лежащей между р.р. Кинелемъ и Самарой, до Борска.

«Борская крѣпость» рассказываетъ Палласъ, «населена казаками и отставными солдатами, и стоитъ близъ праваго берега Самары на плоскомъ песчаномъ увалѣ, въ томъ углу, который произошелъ отъ рѣки Самары и отъ широкаго песчаного буерака. Повидимому рѣка прежде имѣла тамъ другое теченіе, ибо здѣсь находится много наполненныхъ чере-

нахами непроточныхъ болотинъ. Отъ помянутаго буерака, Старица называемаго, до рѣки Самары было сіе мѣсто укрѣплено бревенчатою стеною; но нынѣ (2) вмѣсто оной поставлены только рогатки. Весь широкій буеракъ, или лучше сказать глубокая долина заросла соснами, липами, дубомъ, березами, осинами, тополемъ, татарскимъ кленомъ, крушиною, раkitникомъ, таволгою и сибирскимъ гороховымъ деревомъ».

«Смѣшанный сосновый лѣсъ простирается внизъ Самары почти непрерывно даже до Красно-Самарска; да и лежащія ^{312/313} отъ Борска / къ правому берегу Самары горные увалы по большей части обросли высокимъ смолистымъ лѣсомъ и чепыжникомъ».

«Такой съ соснами смѣшанный лѣсъ называютъ тамъ бормомъ, почему и крѣпость проименована. — Въ кустарникахъ почти никакихъ травъ не находилось, кромѣ вѣтвистой и малорослой кантаври, и около сего растенія летали пестрыя бабочки, фебра называемыя. Также при Борскѣ на несчастьныхъ мѣстахъ видѣлъ я много жуковъ (**) особливаго рода, коихъ далѣе съ сѣверной сторонѣ не находится».

Изъ растеній, встрѣченныхъ на дорогѣ отъ Борска къ Бузулуку, Палласъ обращаетъ особенное вниманіе на *Salsola Kal*, которое представляетъ много измѣненій, соответствующихъ свойствамъ почвы. Къ осени его едва можно признать. Оно становится жестко и, деревенѣя, получаетъ твердые, вверхъ стоящіе листья и засыхаетъ въ такомъ состояніи. Корни этаго растенія коротки и не твердо сидятъ въ почвѣ. — Осенніе вѣтры часто вырываютъ эти растенія изъ земли и далеко несутъ ихъ по полямъ, отчего и называютъ это растеніе *перекати-поле*.

Изъ Борска, черезъ Ольшанку, Палласъ прибылъ въ Бузулукъ.

«Бузулукская крѣпость прежде была построена на другомъ мѣстѣ, ближе къ рѣкѣ Бузулуку, по которой и проименована; но по причинѣ низкаго мѣста перенесена далѣе къ Самарѣ, и нынѣ стоитъ почти въ трехъ верстахъ отъ Бузулука на высокомъ мѣстѣ, которое съ сѣверной стороны отъ лощины

(*) Въ 1769 году.

(**) Это *Melolontha fullo*—большой майскій жукъ—хрущъ. Личинки жуковъ этаго рода живутъ въ землѣ и поѣдаютъ корни древесныхъ растеній, а взрослые жуки, какъ нашъ обыкновенный хрущъ, поѣдаютъ мякоть у древесныхъ листьевъ.

и малаго озерка прикрито крутымъ берегомъ, а съ западной стороны широкимъ ровомъ и рѣчкою Домашкою. Укрѣпленіе сего мѣста состоитъ изъ широкаго вала, на подобіе полузвѣзды сдѣланнаго, а къ лощинѣ обнесено бревенчатою стѣной. Въ крѣпости есть нѣсколько чугунныхъ пушекъ, и хранится еще нарочитое число якорей съ прѣвіантныхъ ботовъ, которые во время Оренбургской экспедиціи ходили вверхъ по Самарѣ. *(Командующій + 4)*

Между живущими казаками находится много татаръ, кои часто ѣздятъ въ гористую и ненаселенную степь, изъ которой выходятъ рѣки Бузулукъ, Каралыкъ, Иргизъ и Чаганъ, и ловятъ тамъ дикихъ лошадей, для употребленія себѣ въ пищу.

«Но здѣшнія степныя лошади по большей части расцѣдились отъ ушедшихъ дворовыхъ лошадей. Онѣ во всемъ схожи съ малорослыми русскими лошадьми, только что головы у нихъ толще, уши острѣе, гривы короткія, шершавыя и хвостъ короткій — По показанію казаковъ, шерстью онѣ бурья, а я самъ видалъ такихъ съ сѣрыми хвостами и гривами, да и съ бѣлесоватыми ногами. Однако есть между ними карія и сиво-желѣзныя, а пѣгихъ совѣмъ нѣтъ. Вороныя, хотя попадаются, но очень рѣдко. Они ходятъ стадами или табунами, состоящими изъ кобылъ, жеребятъ и одного жеребца, коихъ всѣхъ бываетъ числомъ отъ 5 до 20 и болѣе въ одномъ табунѣ. Когда молодые жеребцы подрастаютъ, то старый прогоняетъ ихъ отъ стада, и ходятъ они одни по полямъ, пока наковецъ придутъ въ совершенный возрастъ и сойдутся съ молодыми кобылами. Сіи дикія лошади водятся лѣтомъ и зимою въ гористой, источниками изобильной степи, ибо въ зимнее время они находятъ себѣ кормъ въ горахъ, съ которыхъ бурнымъ вѣтромъ снѣгъ сноситъ. Сказываютъ, что по вѣтру чувствуютъ они человѣчій духъ за нѣсколько верстъ и убѣгаютъ. Съ заряженною пищалью можно удобнѣе къ нимъ подходить лѣтомъ, когда оводы ихъ жалятъ. Дикихъ жеребцовъ можно приманивать и дворовыми кобылами, и бить ихъ изъ пищалей. Въ крѣпости былъ пойманъ жеребенокъ, котораго съ великимъ трудомъ приучили къ работѣ, но послѣ принуждены были его оставить, по причинѣ природной дикости».

«Прежде сего находились при рѣкѣ Бузулукъ бобры, выдры

и кабаны, но казаки скоро перевели оныхъ звѣрей. Напротивъ того есть еще медвѣди, лисы и лоси».

«Нынѣшнею весною приходили сюда стадами степныя козы, сайгаки называемыя (*Antilope Saiga*). Сихъ звѣрей уже нѣсколько лѣтъ невидно было въ здѣшней степи, но продолжавшаяся въ семь году засуха пригнала многочисленныя стада оныхъ изъ южныхъ странъ, такъ что они не токмо прибѣгали на сѣнокосные луга, но и переходили за Самару, для снисканія себѣ пищи».

«Какъ сіи сайгаки ягнятся въ началѣ мая мѣсяца, то находили въ степи козлятъ, которые также, какъ ягнята, не могутъ на ногахъ стоять въ первые дни послѣ рожденія. Легко можно ихъ воспитывать молокомъ, и дѣлаются столь ручными, что за тѣмъ человекомъ, который ихъ кормитъ и котораго онѣ всегда узнаютъ, плывутъ по водѣ, и привыкаютъ къ данному имъ названію. Когда онѣ подрастутъ, то не токмо ходятъ свободно около жилища, но и въ поле, для снисканія корму, по большей части ѣдятъ полынь, даже дерево и другія горькія травы, и къ вечеру приходятъ сами домой. Сіи пріученныя сайгаки не боятся и собакъ, которыя столь же мало на нихъ бросаются, какъ на дворовую скотину. Въ нынѣшнемъ (1769) году при Самарѣ настрѣляли множество оныхъ звѣрей. Мясо ягнятъ и годовалыхъ сайгаковъ можно бы предпочитать мясу дикихъ козъ, если бы оно сильно не пахло и не имѣло горьковатаго вкуса полыни. Напротивъ того мясо старыхъ сайгаковъ (*) весьма гнушно, ибо вся спина у нихъ усыпана чирьями и толстыми червяками оленьихъ шершней».

«Съ версту отъ Бузулукской крѣпости находится самое то мѣсто, гдѣ стояла прежде крѣпость, и тамъ видны еще старыя окопы. Какъ сію страну высокая вода покрываетъ, то и принуждены были оттуда перенести крѣпость. Немного больше двухъ верстъ отъ онаго мѣста проѣзжаютъ черезъ рѣчку Бузулукъ, которая также, какъ и всѣ степныя рѣки, течетъ весьма тихо, обросла тростникомъ и болотными травами, а

(*) Въ Европѣ изъ рода *Antilope* водится только серна на альпахъ. — Наша *Antilope* сайгакъ имѣетъ высокій, вздутый носъ, носовыя отверстія широкія, дыханіе сильное, тѣло легкое, что даетъ имъ возможность перебегать неутомимо громадные степныя пространства. У самцовъ рога короткіе, кольчатые, лировидные, просвѣчивающіе, у самокъ роговъ нѣтъ. Слово сайга татарскаго происхожденія.

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ кустами, въ числѣ коихъ находится довольно черной смородины и малаго горохового дерева. На берегу много цвѣло дикаго салата».

«Около пяти верстъ по ту сторону Бузулука въ томъ мѣстѣ, гдѣ рѣка Токъ впадаетъ съ правой стороны въ Самару, лежитъ дорога черезъ солончаки, которые черную, иловатую, и въ мокрую погоду, какъ-то во всѣхъ солончакахъ бываетъ, болотную имѣютъ землю. Въ нынѣшнее время видна была мѣстами сѣвшая на поверхности соль, состоящая въ несовершенной съ землею смѣшанной и нѣсколько селитряной поваренной соли, какую находилъ я во всѣхъ соленыхъ мѣстахъ въ сей странѣ».

«За 16 верстъ отъ Бузулукской крѣпости, при скотномъ дворѣ томошняго атамана, находятся солончаки, а позади оныхъ пустой деревянный на высокомъ берегу небольшой рѣчки Погромной построенный редутъ, который по оной и проименованъ. Отъ онаго мѣста больше 12 верстъ по правую сторону дороги не видали мы ничего, кромѣ выгорѣлой степи. Неизвѣстно отчего произошелъ сей пожаръ, случившійся за нѣсколько дней. Огонь остановился при почтовой дорогѣ, а если бы оной не было, то конечно сгорѣлъ бы и редутъ. Такіе степные пожары здѣсь часто бываютъ, да и причиною тому, что находятся просторныя мѣста, на коихъ кромѣ обыкновенныхъ сухихъ травъ не видно ни одной былинки, потому что бывшій въ такихъ мѣстахъ пожаръ истребилъ всѣ лѣтнія растенія».

«Неосѣянная степь, прежде нежели могутъ опять произрасти травы естественнымъ путемъ, иссыхаетъ отъ солнечнаго зноя и дѣлается неспособною къ пастбищу. Но въ такихъ мало населенныхъ странахъ невозможно оное зло отвратить, да и въ томъ признаться должно, что обыкновеніе выжигать весною степи и очищать отъ сухихъ травъ безъ поврежденія лѣсовъ не только не бесполезно, но и служить къ произрастанію кормовой травы».

Изъ Погромной Паласы прибылъ въ Тоцкую крѣпость (20 верстъ), названную отъ рѣки Тока, которая за 30 верстъ ниже впадаетъ въ р. Самару съ правой стороны.

«Находящіяся по ту сторону р. Самары и при ея устьѣ пресѣкшіяся горы, опять начались и обросли лѣсомъ. Здѣсь много орловъ и другихъ хищныхъ птицъ, и мы видѣли въ

степи желтоголовыхъ черныхъ орловъ, которые летаютъ на
лѣсистыя горы. Здѣшніе жители обыкновенно берутъ орли-
ныхъ дѣтенышей изъ гнѣздъ, свитыхъ на высокихъ деревьяхъ
и воспитываютъ (для охоты), и часто продаютъ киргизамъ
по дорогой цѣнѣ.

«Малонаселенная Тонкая крѣпость построена за полверсты
отъ ~~р.~~ Самары ^{подъ доминантой} на высокомъ берегу рѣчки Нижней или боль-
шой Сороки, которая перепружена для мельницы и впадала
въ Самару. Крѣпость, по здѣшнему обыкновению, построена
четвероугольная и у самаго моста черезъ Сороку находится
обвалившаяся деревянная башня. Къ ~~р.~~ Самарѣ, которая здѣсь
кажется не больше ~~р.~~ Бузулука, заведены огороды; построенъ
черезъ оную мостъ и проложена дорога къ находящимся при
рѣкѣ Токѣ башкирскимъ и чувашскимъ деревнямъ. Берегъ
по ту сторону ~~р.~~ Самары обросъ пріятными ^{здесь} кустами. Та-
волга была унижена подобными хмѣлю шишками, а цвѣточ-
ныя чашки выросли продолговатыми, сверху сомкнувшимися,
внутри пустыми и шершавыми стручками, въ коихъ невид-
но слѣда причиняющихъ недородъ насѣкомыхъ.

...Здѣшніе жители, по причинѣ худой пашни, едва имѣютъ
пропитаніе. Почти вся земля содержитъ въ себѣ соль, и въ
иныхъ мѣстахъ столь много, что никакой хлѣбъ на оныхъ
не родится. Безъ сомнѣнія, должны выходящіе изъ степныхъ
горъ соленые ключи проходить въ сію страну и служить
причиною худобы земли. Ибо во всѣхъ здѣшнихъ соляныхъ
странахъ выступившая на поверхность соль есть настоящая
поваренная, но отъ примѣсу земли испортилась. Въ такихъ
мѣстахъ земля состоитъ изъ рудожелтаго ила, въ которомъ
находится и горшечная глина. Во время рытья видно, что
иссохшая поверхность земли испещрена соляными жилами, и
нѣсколько глубже показывается соленая вода, а если въ
иныхъ мѣстахъ вырыть немного глубже двухъ футовъ, то
уже илъ влаженъ и скользокъ. Что въ степныхъ горахъ дол-
жно быть многимъ хорошимъ солянымъ ключамъ, то дока-
зываетъ соленая земля въ нѣкоторыхъ долинахъ и выходя-
щая изъ горъ рѣчки, изъ коихъ особливо примѣчанія достой-
на, имѣющая соленую воду, рѣчка Булата и еще другая
Ташкумиръ, въ которой настоящая соленая вода; обѣ наз-
ванныя рѣчки впадаютъ въ Таловую, откуда рѣка Ирғизъ
имѣетъ свое начало».

У Тоцкой крѣпости, переѣхавъ рѣчку Сороку, начинается ровное верстѣ на семь длиною поле, также наполненное большими солончаками, на которыхъ не видно ни одной травки, кромѣ соленыхъ растений. Поверхность такихъ соленыхъ мѣстъ покрыта черною землею, которая отъ соли всегда рыхла и влажна. Сія соленая страна кончится при рѣчкѣ Малой Сорокѣ, которая также течетъ въ Самару. Здѣсь встрѣчается также весьма много птицъ особливаго рода, которая искали себѣ нищи, состоящей въ саранчѣ и другихъ гадахъ. Сіи птицы не боязливы. Если онѣ поднимаются летѣть, то кричатъ скрипучимъ голосомъ, почему здѣшніе казаки называютъ ихъ Тиркушами, а другіе бороною ласточкой, или чернобровкою, по черной полосѣ отъ глаза и около шеи простирающейся. Сіи птицы при рѣкахъ Волгѣ, Самарѣ и Яикѣ водятся въ травянистыхъ степяхъ. Онѣ также, какъ дикіе голуби, высиживаютъ молодыхъ, летаютъ стадами, но къ осени скрываются». Я

326

«Еще предъ Бузулукскою крѣпостію я видѣлъ нѣсколько насыпныхъ могильныхъ кургановъ, коихъ число здѣсь умножалось, и на дорогѣ къ Сорочинской крѣпости отличались отъ прочихъ три рядомъ стоящія знатныя курганы. Сказываютъ, что выше къ Бузулуку и другимъ степнымъ рѣкамъ и рѣчкамъ еще больше ихъ находится. При вышеупомянутой мѣстности и при обѣихъ Сорокахъ есть еще другія низкія могилы, внутри большими кирпичными плитами выложенныя, въ коихъ положены были мертвыя тѣла. Сіи домовища длиною больше сажени и въ нихъ, какъ мнѣ сказывали, разрывавшіе ихъ казаки, лежатъ чрезвычайно великія человѣчскія кости, такъ что если приставить берцовую кость къ ногѣ великорослаго человѣка, то оная ему выше колѣна. Сказываютъ, что здѣсь же нѣкоторый калмыкъ / во время стрѣлянна изъ луковъ для забавы, нашелъ обложенный серебромъ, хорошо отшлифованный, свѣтлый большой камень на той могилѣ, въ которую стрѣла его воткнулась, и что оный камень проданъ въ третьи руки слишкомъ за сто рублей. Всѣ находимыя въ такихъ могилахъ стрѣлы, оружія и другія вещи сдѣланы изъ мѣди; но иногда находятъ въ нихъ и золото, какъ то Тоцкіе казаки за нѣсколько лѣтъ нашли въ одной могилѣ золотое ожерелье».

326 / 327

1749

июня

327

«Сорочинская изъ всѣхъ на Самарской линіи построенныхъ

крѣпостей самая знатная и больше населенная крѣпость стоит на высокомъ берегу Самары и кромѣ деревянной стѣны съ башнями прикрыта оною съ сѣверо-восточной стороны. Къ низкой стѣни обведена вокругъ рвомъ ^и съ правильнымъ валомъ съ рогатками, на которомъ построены деревянные башни отчасти надъ воротами, а отчасти на выдавшихся углахъ. Кромѣ многихъ хорошихъ ^{козачьихъ} каменныхъ домовъ находится изрядное комендантское и канцелярское строеніе, потому что прежде была здѣсь главная команда Самарской линіи. Помянутое строеніе и деревянная церковь стоитъ на площади. Въ полуденной части крѣпости нѣтъ строенія по той причинѣ, что зимою бурнымъ полуденнымъ вѣтромъ наносить изъ степи такое множество снѣгу, что еслибы были тамъ построены дома, то ихъ ^{бы} здвалило. Черезъ рѣку Самару построенъ хорошій мостъ и проложена дорога ко многимъ между горами разсѣяннымъ башкирскимъ деревнямъ, состоящимъ въ вѣдомствѣ здѣшней крѣпости. Рѣка здѣсь очень мала и неглубока, и течетъ столь частыми и кривыми поворотами, что почти и не понятно, какъ во время Оренбургскаго похода могли до сей крѣпости доходить нагруженные провіантомъ суда; но здѣсь хранится довольно число якорей съ оныхъ судовъ, которые суть неопровержимымъ тому доказательствомъ. Можетъ быть во время высокой воды удавалось, однако съ превеликимъ трудомъ, проводить суда въ короткихъ поворотахъ между высокими берегами, а выше оной крѣпости конечно не можно пройти и на большихъ лодкахъ.

«Находящаяся по ту сторону Самары высокія горы по большей части состоятъ изъ сухаго окаменѣлаго мергеля и изъ многихъ быють ключи. Между сими горами въ маломъ разстояніи находятся три рѣчки: Верхній Уранъ, Уранчикъ и Низкій Уранъ. Сія рѣчка, протекая изобильными травами лощины, впадаетъ въ Самару. При подошвѣ превысокой въ здѣшней странѣ горы, позади которой рѣчка Уранчикъ выходитъ изъ обруженной холмами болотины, бьетъ изъ краснаго мергеля сильный ключъ, сообщающій помянутой рѣчкѣ самую чистую, студеную воду. Нѣкто престарѣлый воинъ для исполненія своего обѣщанія построилъ тамъ деревянную часовню».

«Позади Сорочинской крѣпости слѣдуетъ сухая степь. За

нѣсколько верстъ отсюда видѣнъ Крестовскій редутъ, названный по найденному въ степи кресту. Онъ совсѣмъ оставленъ и развалился. Не доходя до онаго, находится по правую сторону дороги, на ровномъ полѣ, холмъ, на которомъ видны разбросанные кирпичи и основаніе небольшаго четвероугольнаго строенія. Сказываютъ, таксе же строеніе, однако въ лучшемъ состояніи, со многими могильными холмами, находится около 30 верстъ отъ Сорочинской крѣпости въ южную сторону не подалеку отъ источниковъ рѣки Бузулука, которая имѣетъ свое начало между мѣловатыми горами».

«При Новосергіевскѣ начали могильные холмы становиться чаще. Сначала попадаются они мѣстами; но къ Полтавскому редуту вся степь, занимающая уголъ между р. Самарою и показывающими вдали горами, устлана большими холмами могильными. Во всѣхъ могильныхъ холмахъ водятся сурки и суслики, потому что входъ у ихъ норъ въ такихъ холмахъ больше безопасенъ отъ стекающей дождевой воды. Я примѣтилъ, что такія могилы по большей части находятся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ по ту сторону Самары видѣнъ пре-высокій холмъ, который степнымъ народамъ служилъ издали достопамятнымъ знакомъ ихъ прародительскихъ кладбищъ.

«Также въ сей странѣ, въ которой столь много находится могилъ, видны по ту сторону Самары высокіе холмы, которые по тамошнему Барханы называются, и по большей части состоятъ изъ красной, бѣлой и зеленоватой опоки.

«Въ сихъ горахъ показывались слѣды мѣдной руды, а при рѣчкѣ Куваерѣ, которая у Новосергіевска впадаетъ съ правой стороны въ Самару, дѣйствительно производилась заводская работа стараніемъ ассесоровъ Твердышева и Мясникова. Также въ горномъ хребтѣ между Самарою и Яикомъ, въ степь простирающемся, который особенно Общимъ Сыртомъ называется, нашли ходящіе на охоту казаки и Башкирцы уже за нѣсколько лѣтъ прежде малыя мѣста небогатой руды».

«Неподалеку отъ Новосергіевска Палласъ услышалъ о разрытомъ могильномъ холмѣ, на которомъ поставленъ былъ отесанный каменный болванъ и лежалъ камень, на которомъ высѣчено лице человѣка. Онъ посѣтилъ эту могилу.

«Разрытый могильный холмъ, на которомъ лежали камни, находится недалеко отъ рѣки Самары и выше всѣхъ въ здѣшнемъ мѣстѣ насыпныхъ кургановъ, да и сдѣланъ на-

противъ высочайшей изъ всѣхъ по ту сторону показывающихся горъ. Въ немъ разрыто на полторы сажени глубиною и почти наровень съ поверхностью степи. Сказываютъ, что въ немъ находили драгоцѣнныя вещи, какъ то и я нашелъ въ выброшенной землѣ, кромѣ человѣческихъ и сурковыхъ костей, частицу шлифованной рѣзной жемчужной раковины, которая еще не сотлѣла. Въ ямѣ находился большой плоскій дикій камень, который чаятельно положенъ былъ надъ тѣломъ; а тотъ камень, который поверхъ холма лежалъ и на которомъ неискусно высѣченъ былъ видъ человѣка, былъ разбитъ, и по лежащимъ около холма частямъ онаго видно, что онъ былъ темносѣрый, весьма мягкій песчаный камень, какихъ довольно находится въ сосѣдственныхъ степныхъ горахъ. Другой камень, стоявшій на восточномъ концѣ лежащаго камня, есть ничто иное, какъ неотесанный, твердый, почти треугольный и плоскій дикій камень, длиною въ три пядени съ половиной, и на верхнемъ его углу неискусно высѣчено человѣческое лицо, а книзу проведена небольшая черта на подобіе отверстаго угла. Сказываютъ, что высѣченное лицо оборочено было къ востоку.

«Всѣ могильные холмы служатъ въ доказательство, что для насыпанія оныхъ выбирали въ степи высокое мѣсто, съ котораго брали землю и носили на могилу. Ибо степь вдоль рѣки Самары вездѣ покрыта черноземомъ по крайней мѣрѣ на одинъ футъ вышиною, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ слой онаго гораздо толще; напротивъ того около всѣхъ могильныхъ холмовъ чернозема не находится и вокругъ оныхъ лежитъ иловатая земля. Если же срыть такой холмъ, то найдутся въ срединѣ смѣшанные слои чернозема. Но какъ сіи холмы еще мало обросли травою, то и можно заключить, что не очень много лѣтъ тому, какъ они насыпаны. Если на верху оныхъ разрыть на одинъ футъ глубиною, то покажутся уголья сожженнаго хвороста, и служатъ доказательствомъ тому, что было тамъ приношеніе жертвы. Въ самомъ низу могильнаго холма лежатъ человѣческія кости въ продолговатой могилѣ, обитой досками и хворостомъ, которыхъ части и нынѣ еще видны. Въ сихъ могилахъ обыкновенно находятъ только желѣзныя вещи, конейцы отъ стрѣлъ, клещи, огниво, но не во всѣхъ находятся конскіе головы. Сказываютъ, что самыя большіе холмы, которые въ окрестности

имѣютъ больше 50 шаговъ, а вышиною бываютъ до полуторы сажени и болѣе, небогаты драгоцѣнными вещами; по должно сихъ искать въ малыхъ холмахъ, можетъ быть потому, что въ небольшихъ холмахъ похороняли женскій полъ и клали съ ними нѣкоторое украшеніе. На вершинѣ немногихъ, а особливо большихъ холмовъ, оставлены круглыя ямы. Между каменными горами по ту сторону Самары есть много складенныхъ изъ камней могильныхъ холмовъ, на которыхъ еще больше наставлено каменныхъ болвановъ. Кажется, что сіи могильные бугры произошли либо отъ Ногайскихъ татаръ или отъ Киргизовъ, коихъ могилы и нынѣ сходятствуютъ съ описанными. Напротивъ того вышепомянутыя кирпичемъ выложенныя могилы, въ которыхъ не находится желѣзныхъ вещей, произошли совсѣмъ отъ другаго въ сей странѣ обитавшаго древняго народа. Можетъ быть о находящихся близъ степныхъ горъ мѣстахъ, въ коихъ прежде сего жили Номады ради хорошей паствы, должно будетъ по времени сдѣлать хорошія, до древности касающіяся примѣчанія».

Третья поѣздка Палласа по Самарской губерніи.

Осмотрѣвъ во время неоднократныхъ поѣздокъ своихъ въ 1768 и 1769 годахъ сѣверную половину нынѣшней Самарской губерніи, Палласъ въ этомъ послѣднемъ году направился черезъ Оренбургъ и Уфу въ Сибирь, гдѣ и пробылъ, участвуя постоянно въ ученыхъ экскурсіяхъ, до начала 1772 года, когда предпринята была имъ поѣздка на сѣверный берегъ Каспійскаго моря и въ мѣстности, лежащія по обоимъ берегамъ Волги около Саратова. Въ эту послѣднюю поѣздку посѣтивъ Пермскій край и Казань, знаменитый путешественникъ снова появился въ предѣлахъ нынѣшней Самарской губерніи и, направляясь на Уральскъ, проѣхалъ по сѣверо-восточной части ея отъ Бугульмы и до крѣпости Сорочинской. Вотъ какъ описываетъ Палласъ эту поѣздку:

„Изъ Бугульмы (сюда Палласъ прибылъ 28 апрѣля 1772 года), самая прямая дорога лежала черезъ Сокъ-Кармалу. Но поелику туда 50 верстъ безъ перемѣны лошадей ѣхать должно было, которая бы ѣзда весьма была продолжительна, то ѣхалъ я по обыкновенной Оренбургской почтовой дорогѣ. И такъ мы переѣхали Малую Бугульму, гдѣ мы отъ запа-